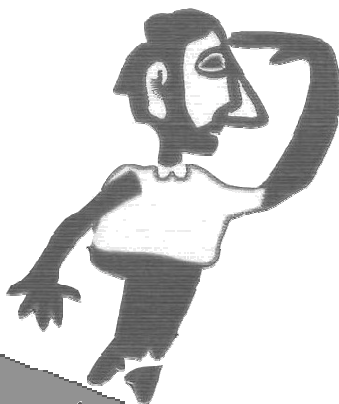


Д Р У Ж И Т Ь

Д А В А Й М Ё

Л И Т Ё Р А Т У Р А М И

Вып. 1



Литературная
панорама
Израиля

Дайджест

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

Литературная панорама Израиля

Выпуск 1

Екатеринбург, 2007

ББК 83.3(5Изр)

Л 64

Редакционная коллегия:

Е.А. Козырина

Е.Н. Кошкина

А.Ю. Сидельников

Литературная панорама Израиля: дайджест /
сост.: Е.Н. Лом; Свердл. обл. межнац. б-ка.—
Екатеринбург: СОМБ, 2007 .— 78 с.—(Давайте
дружить литературами; вып. 1).

Ответственный за выпуск: Т.Х. Новопашина

Давайте дружить литературами

Тот, кто обратится к изучению национальных литератур последних постсоветских, «постсоюзных» лет, сразу столкнется с определенными трудностями, ибо, по выражению Александра Эбаноидзе, главного редактора журнала «Дружба народов» «истончившиеся связи с сопредельными литературами – примета последнего десятилетия». Взаимное отчуждение между бывшими братскими народами перешло и на область литературы: всем стало как-то не интересно, что происходит в литературной жизни соседей, да и со своей национальной литературой познакомиться никто особенно не стремится. Так, например, Георгий Кубатьян, говоря о том, как трудно сегодня в Армении познакомиться с русскими книжно-журнальными новинками, подчеркивает, что «к этой беде прибавилась и другая: не самые ленивые, не самые самодовольные люди стали порою рассуждать агрессивно – не могу прочесть и не надо, не знаю мол, и знать не хочу».

Одну из причин такого «зазора» между национальными литературами многие видят в пассивной позиции по этому вопросу государственных властей.

Государство практически полностью отказалось от забот о книгопечатании. Литература в одночасье стала делом частным, авторов и читателей. «Написал писатель книгу – ну пусть сам и напечатает, распространит, если это нужно ему и его читателям».

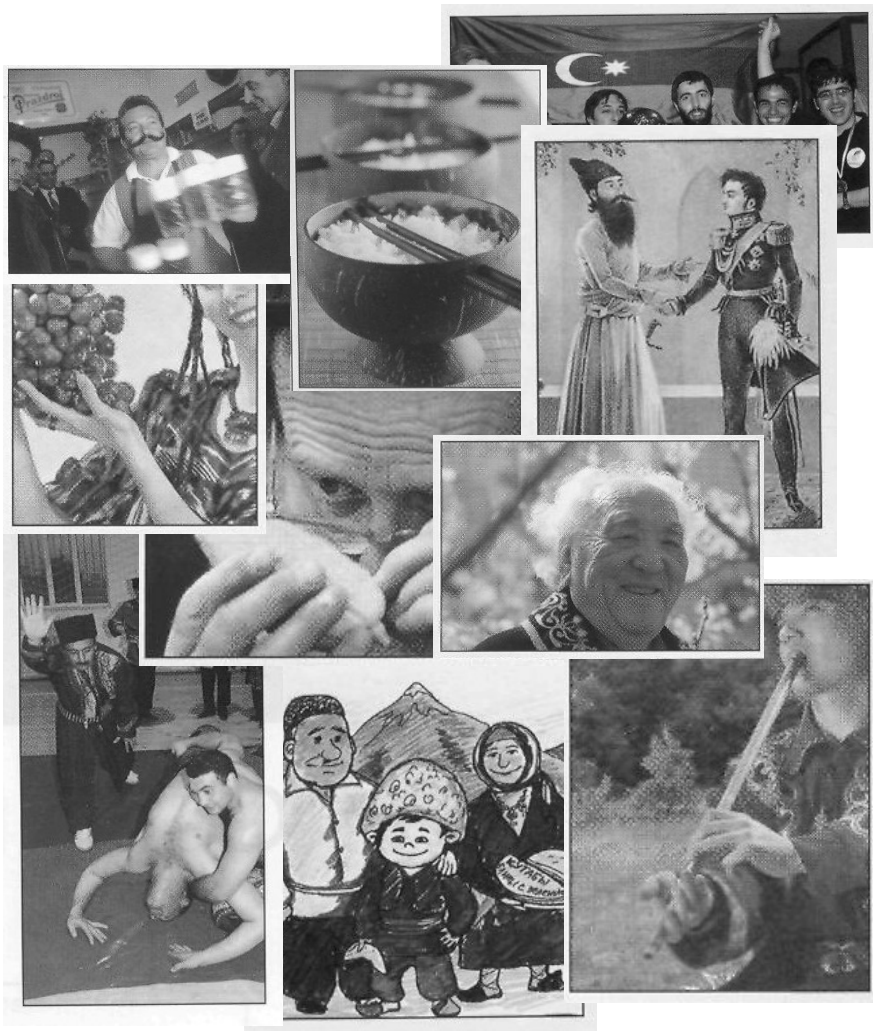
Влияние литературы на умы людей, на общество в целом резко ослабло. Книги обсуждаются в узких кругах любителей.

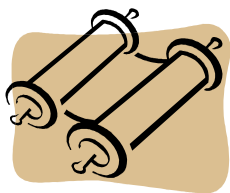
Национальные литературы становятся сегодня своего рода «вещью в себе» и для себя.

А между тем, по словам того же Эбаноидзе, «стремление народов к обретению собственной исторической судьбы закономерно, но нельзя допустить, чтобы этот порыв оборвал все нити, связывавшие нас, и вместо взаимной приязни, дружеского участия и живого интереса сеялись недоверие и отчужденность: негативным тенденциям последнего времени, таким, как национализм и ксенофобия, прежде всего противостоит СЛОВО – ничто не отражает душу народа так глубоко и ярко, как талантливая литература... писатель подмечает то, к чему слеп политик, а таланту от природы присуща чуткость к человеку, неразличимому в макроэкономике».

В нынешних условиях нехватки культурной информации из сопредельных стран, мы пытаемся восполнить ее выпуском серии нацио-

нально акцентированных дайджестов, посвященных художественной литературе того или иного народа, которые, мы надеемся, будут способствовать культурному и интеллектуальному сближению и взаимообмену на постсоветском пространстве.





Литературная панорама Израиля

Литературное творчество еврейского народа, берущее свое начало в Библии, продолжается свыше трех тысяч лет, на протяжении которых евреи жили во многих странах и составляли письменные памятники на многих языках.

Сегодня Израильская литература представляет собой удивительный синтез культурного опыта, основанный одновременно на трех составляющих. Это древние (и современные) левантийские традиции и быт, удивительный и разносторонний опыт, приобретенный представителями нации за долгие века изгнания и рассеяния, и сегодняшний, европеизированный, в высшей степени современный образ жизни в новом государстве. По словам руководителей проекта «Эшколь» Линор Горалик и Юрия Сорочкина, «Этот синтез знаний и впечатлений, культурных бэкграундов и социальных особенностей делает израильскую литературу ... окном в совершенно неповторимую реальность, картины которой не может сегодня представить читателю ни одна другая литература. Она демонстрирует возможность живого сочетания древнейшей традиции и абсолютной современности, однозначно привлекательную для современного читателя в период интенсивной глобализации, одновременно сочетающейся с лихорадочным поиском самоидентификации посредством обращения к собственным корням».

Что такое израильская литература сегодня и как она сформировалась? Какова ее роль, насколько ее знают и как воспринимают в мире? Какое место занимают в ней русскоязычные авторы? Ответы на эти и другие вопросы вы найдете в первом выпуске нашего дайджеста.

Мы не претендуем на исчерпывающую полноту и всеохватность огромного массива еврейского литературной традиции, а стремимся дать читателю представление о литературном процессе Израиля, который является «оригинальным, самобытным и многогранным явлением человеческой культуры». Вместе с тем мы хотим сделать наш Дайджест достаточно полным, собрав под одной обложкой наиболее ярких авторов разных поколений, пишущих как на иврите, так и на русском языке.

местились из Европы на Святую Землю – Эрец-Исраэль, называвшуюся тогда Палестиной. Лишь с образованием государства Израиль в 1948 году стало возможным говорить об израильской литературе.

Если основной темой первого поколения писателей ишува (еврейских сельскохозяйственных общин, которые создавались в Палестине еще до создания государства Израиль) был процесс возвращения евреев в Эрец Исраэль, то на смену этому поколению первопроходцев пришло «поколение Пальмаха» (так назывались особые отряды созданных еврейской общиной в подмандатной Палестине подпольных вооруженных сил, а позднее – израильской армии) - уже не писатели общины, но писатели страны. Впервые в новой литературе на иврите выступила значительная группа уроженцев Эрец-Исраэль, для которых иврит был родным, а порой также единственным языком их повседневной жизни и культуры. Разговорная речь в произведениях этих писателей, пересыпанная израильским сленгом, в корне отличается от лексики созданных до того произведений новой литературы на иврите. На знаменитой встрече с писателями в марте 1949 года Бен-Гурион сказал, что общество ждет от них актуальных тем. И действительно, тематику творчества писателей этого периода составляют главным образом Война за Независимость и предшествовавшая ей борьба ишува с мандатными властями. В большинстве своем сами писатели — активные участники этой борьбы и битв за право Израиля на существование. Им приносящая упоенность великим свершением еврейской истории — восстановление государственного бытия своего народа. В их рассказах, повестях и романах уделяется внимание не столько переживаниям отдельной личности, сколько настроениям коллектива, спаянного единой идеологией, общим боевым заданием. Литература этого поколения проникнута сознанием начала новой эры в еврейской истории — эры самостоятельности, что вызвало появление нового литературного героя — полного жизненных сил гордого еврея, уроженца Эрец-Исраэль, который не подвергался гонениям властей и унижениям со стороны антисемитов. Это был период максимального влияния советской литературы на израильскую: писатели «поколения Пальмаха» ориентировались на «Разгром» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Волоколамское шоссе» А. Бека. В прозе в это время царил **Моше Шамир** («Он шел по полям», 1947), («Под солнцем», 1950), («Своими руками», 1951), в поэзии - **Хаим Гури**.

В 1960-х годах на смену «поколению Пальмаха» пришло «поколение государства». На первый план выдвинулись **Аарон Апельфельд** и **А.Б. Йегошуа**. Проза переориентировалась с советской литературы на американскую. Социальные полотна и изображение коллектива уступили место пристальному вниманию к внутреннему миру личности. В их

произведениях проблематика отдельной личности в Израиле предстает как проявление «экзистенциального смятения» человека вообще. Общечеловеческие и личностные проблемы — трагизм существования индивидуума в технократическом и сверх меры стандартизированном обществе, бессилие человека перед вавилонским столпотворением наших дней, неверие в идеалы прошлого, кажущиеся наивными и несбыточными, страх перед будущим, грозящим водородной бомбой, — преобладают в произведениях прозаиков и поэтов «Поколения государства».

Оставаясь в целом верными изображению реальной действительности, эти писатели в ряде произведений глубоко проникают в подсознательные пласты человеческой психики. Часть их произведений отмечена оттенком символизма или мистицизма. Контуры персонажей (большей частью — антигероев) выступают четко, их индивидуальное мировосприятие резко контрастирует с коллективным мировоззрением героев литературы «Поколения Палмаха».

Стиль писателей «Поколения государства» лишен какой-либо вычурности и непосредственно передает мысли и переживания автора и его героев, диалог естественным образом воспроизводит живую речь. В их прозе исторические пласты трехтысячелетней лексики иврита органически сливаются с новыми языковыми формами, возникновение которых обуславливается теми же законами, что и эволюционные процессы нового времени во всех языках современной мировой культуры. Второе поколение писателей, уроженцев Эрец-Исраэль, окончательно разрешило проблему полного возрождения иврита как современного литературного языка, стоявшую перед новой литературой на иврите со дня ее зарождения.

Наиболее ярко воплотили тенденции литературы «Поколения государства» **А. Б. Иехошуа** в сборниках рассказов «Мот ха-закен» («Смерть старика», 1962), «Мул ие'арот» («Перед лесом», 1968), «Тиш'а сиппурим» («Девять рассказов», 1970) и **А. Оз** в сборниках рассказов «Арцот ха-тан» («Земли шакала», 1965), «Ад мавет» («До самой смерти», 1971), «Хар ха-эца ха-ра'а» («Гора дурного совета», 1976) и в романах «Маком ахер» («Другое место», 1966), «Михаэль шели» («Мой Михаэль», 1968), «Лага'ат ба-маим, лага'ат ба-руах» («Тронуть воду, тронуть ветер», 1973). Их произведения получили широкое признание в Израиле, а также за рубежом в переводе на многие европейские языки. В близкой манере написаны рассказы **И. Элираза** и повести **Амалии Кахана-Кармон**.

В 1953 г. в литературном альманахе студентов «Ликрат» был опубликован манифест нового направления **Шира це'ира** ('Молодая поэзия'), доминировавшего в израильской поэзии 1960-х — начала 1970-х гг. Манифест провозглашал примат личности над обществом и стремление, не

подчиняясь какой-либо идеологии, выразить неповторимость человека как индивидуальности, что принципиально отличало эту программу от позиций предыдущего поколения поэтов, идентифицировавших себя с различными течениями в сионизме. Характерными представителями Молодой поэзии являются **И. Амихай, Н. Зах и Д. Авидан.**

Израильская драма начиналась пьесами Моше Шамира, Натана Шахама, Ханок Бартова и Аарона Мегеда. Большинство из них были прозаиками, изображавшими жизнь юной страны в реалистической манере. Новая драматургическая эпоха началась в 1960-е годы пьесами **Нисима Алони, Йосефа Бар-Йосефа и Ханок Левина.** Они прибегают к стилизациям и используют разговорный иврит для заведомо нереалистического представления действительности.

Бурные политические события 1970-х гг. (Война Судного дня, заключение мира с Египтом), растущая напряженность на международной арене в связи с проблемой территорий, перешедших под контроль Израиля после Шестидневной войны, кипучая деятельность во всех сферах жизни в 3-м и в начале 4-го десятилетия существования Израиля, когда сложный процесс строительства возрожденного государства вступил в следующую, более высокую фазу, определили переломный характер общественной жизни в этот период. Столкновения идеологии различных поколений, этнических групп и слоев населения, поляризация мировоззрений четко оформившихся течений плюралистического израильского общества, влияние противоречивых духовных, культурных и общественных веяний Западной Европы и США и, в то же время, усилившаяся тенденция возврата к устоям еврейской религиозной традиции, способствовали расширению и углублению тематики новой литературы на иврите и породили новые формы, главным образом неореализм, доходящий до гротескного натурализма, а также широкое обращение к методам литературы «потока сознания».

В 1970-х гг. протекает одновременно деятельность четырех поколений писателей: поколения догосударственного периода, писателей «Поколения Палмаха», «Поколения государства» и, наконец, молодых писателей, вступивших в литературную жизнь именно в это десятилетие. Зачинатели новейшего направления в израильской прозе обратились к новой переоценке ценностей. С возникновением неоантисемитизма (завуалированного антисиионистской терминологией), избравшего мишенью государство Израиль как воплощение коллективного еврея, привело к перемещению центра тяжести в творчестве молодых писателей. Подчеркивание элементов возрождения былого величия на древней родине уступило место поискам преемственности, часто диалектической, с историей еврейского народа, находившегося около 2 тысяч лет в рассеянии. Они пытаются вновь

обнаружить как связи, так и контрасты между экзистенциальным бытием еврейства, еще живущего большей частью в диаспоре, и жизнью израиль-тянина как еврея с его душевными и интеллектуальными метаниями и с его насыщенностью духовными ценностями иудаизма. Яркими выразителями новейшего направления в художественной прозе стали **И. Бен-Нер, Я. Шабтай и Д. Шниц**.

Поэты **Я. Хурвиц, М. Визелтир, Иона Волах и А. Шабтай**, развивая индивидуализм Молодой поэзии, пришли к тотальному отрицанию каких-либо ценностей, кроме бытия отдельной личности, антигероя, поднятого до уровня персонажей греческой мифологии и классической трагедии. Однако в их же произведениях последних лет начинает проступать подспудный протест против нигилизма, и появляются симптомы сдвига в сторону поисков жизнеутверждающих основ в иудаизме. С творчеством этих поэтов резко контрастирует благородный лиризм иерусалимской поэтессы Зелды, овеянный грустью и проникнутый глубоко мистическим мировосприятием. В близком ключе развивается творчество поэтессы **Ривки Мирьям**.

Литературную жизнь в Израиле 1980-х гг. можно назвать интенсивной: на иврите появилось много самобытных произведений, некоторые привлекли внимание общественности и изданы небывалыми дотоле тиражами; многие книги израильских прозаиков, поэтов и эссеистов были переведены на иностранные языки, а иные авторы удостоились столь широкого признания, какое не выпадало на долю даже классиков литературы на иврите. Серьезными изменениями и успехами отмечена прежде проза, в которой обозначился отход от принципов психологического реализма, доминировавших в 1970-е гг., и обновился круг тем.

Среди прозаиков, вступивших в израильскую литературу в 1970-е и 1980-е годы, следует назвать **Ш.Лapid, Д.Гроссмана, Й.Хоффмана, А.Хеффнера, М.Шалева, Ю.Шимони, О.Кастель-Блум, И.Кацир, С.Либрехт, Ицхака Бар-Йосефа**. В отличие от стремления авторов 1960-х выразить свое экзистенциальное переживание, писатели этого периода, как правило, посвящают свои произведения текущим проблемам: арабо-израильским отношениям, Катастрофе, сионизму в догосударственный период, израильской армии. Даже детективы, жанр почти не представленный на иврите, получил право на существование благодаря трем писателям: **Дворе Брегман, Батье Гур и Шуламит Лapid**.

В то же время с 1980-х годов Израильская литература переживает постмодернистский период: на авансцену вышло следующее поколение, названное критиком Гершомом Шокевом «поколением без надежды». Литераторов новой волны отличала от предшественников мозаичность их

творчества; едва ли можно назвать центральную тему, объединяющую этих писателей. «Война, девушка, собака, деньги - в их мире все равноценно, фрагменты этого мира не поделены на главное и второстепенное». Новая литература откровенно космополитична, если место действия прямо не обозначено, угадать его зачастую невозможно. Герой «поколения без надежды» - растерянный молодой человек, дезориентированный, в значительной степени утративший связь со своей страной.. Лидером этого поколения является **Этгар Керет**.

Переосмысление готовых литературных форм и поиски новых, высокий профессионализм в использовании разнообразных языковых средств, убежденность в том, что литература позволяет понять и мир отдельной личности, и проблемы коммуникации — все эти черты характеризуют израильскую прозу последних лет.

Отцы-основатели современной ивритской литературы видели свою главную задачу в том, чтобы создать новую подлинно еврейскую словесность, которая могла бы соперничать с любой из мировых литератур. Они старались не просто этнографически достоверно изображать быт евреев, но обнажить корни и возродить к жизни национальную этику. Они хотели создать литературу, которая бы участвовала в возрождении еврейского народа и одновременно принадлежала бы всемирной литературе. По мнению израильских литературоведов, эта двойственность едва ли характерна для современной литературы Израиля, ориентированной в основном на культуру Америки и Западной Европы. Такова общая культурная ситуация в мире в условиях растущей глобализации. Культурный плюрализм в израильской литературе связан и с тем, что многие произведения создаются представителями различных общин. Каждый привносит в творчество культуру страны своего исхода.

Встает вопрос: не перестала ли израильская литература быть еврейской? Несмотря на все вышесказанное, современная израильская литература обнаруживает еврейские основы воспитания писателя – уроженцы страны, который, даже если он не религиозен, воспринял их из культуры, в которой живет.

Новая литература на иврите с момента своего зарождения во второй половине 18 в. правдиво и без прикрас воплощала конфликты реальной действительности, заостряя их проблематику в национальном, духовном и общественных планах. Израильская литература продолжает эту традицию, сгущая порой краски при трактовке конфликтов, порожденных самоощущением отдельной личности в современном мире. Нередко такое сгущение красок приводит к некоторому искажению представлений о действительности, их смещению в сторону экзистенциалистического трагизма. Но именно

эта черта придает израильской литературе глубину, стимулирует поиски нового содержания и новых форм и поднимает ее до уровня наиболее развитых литератур мира.

Литература:

Бар-Йосеф, Х. Израильская литература 90-х годов XX века / Х. Бар-Йосеф // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков на иврите в русских переводах / Сост. Х. Бар-Йосеф, З. Копельман. – М., 2000. – С. 542-555.

Домб, Р. Ивритские писательницы / Р. Домб // Ариэль. – 1995. - № 23. – С. 68-83.

Иврит. Новая литература // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд Гл. ред. И. Орен, Гл. ред. М. Занд. - Т. 2 : Габбай - Измир. - Иерусалим : Общество по исследованию еврейских общин, 1982 – С. 598-631.

[http:// www.gesharim.org](http://www.gesharim.org).

[http:// www.eleven.co.il](http://www.eleven.co.il)



Представляем авторов:

Персоналии израильской ивритской литературы



ШАМИР, Моше (1921, Цфат, – 2004, Ришон-ле-Цион), израильский писатель, журналист, драматург и литературный критик. Депутат Кнессета с 1977 по 1981 год. Основатель и первый редактор еженедельника израильской армии «Б'Махане». Лауреат премии Израиля по литературе. Шамир признан ведущим писателем «поколения Палмаха» Он написал более десяти романов, около 20 пьес, большинство из которых было поставлено в израильских театрах, статьи и другие произведения. В первом романе «Ху халах ба-садот» («Он шел по полям», 1947; русский перевод — издательство «Библиотека—Алия», Иер., 1977) автор описывает жизнь кибуца (сельско-хозяйственной коммуны в Израиле), будни Палмаха. Гражданский пафос, который присутствует в романе, сочетается со стремлением автора обозначить уязвимые точки каждого из этих миров. В образе главного героя Ури израильский читатель видел идеал жертвенного поколения борцов за государство. Роман выдержал более десяти переизданий, Шамир переработал его в пьесу и в киносценарий.

Гибель в одной из операций Палмаха старшего брата Шамира Элияху послужила толчком к написанию романа «Бе-мо ядав» («Своими руками», 1951; русский перевод — издательство «Библиотека Алия», Иер., 1979). Конкретная биография превратилась в обобщенный портрет представителя поколения на фоне формирующейся жизни нового государства. Т.е. роман явился осмыслением собственной родословной как типической семейной истории строителей государства.

Из романа «Своими руками»:

(...)

В стране плохо, очень плохо, товарищи. Всюду беспорядок и путаница, никто не знает, что делать, никому невдомек, что творится сейчас и что еще предстоит в будущем. И поэтому люди идут в бой почти вслепую, с почти пустыми руками. (...)

Прощание у ее дома. Город затаил дыхание. Прощание — как при-

говор. Пришел страх перед завтрашним днем, и она ищет слово, чтобы защитило и – куда бы он ни ушел – протянулось нитью от нее к нему. Она отбрасывает одно за другим слабые, невыразительные слова и, наконец, хватается за самую простую, убогую, жалкую фразу (крепко-накрепко сжатая в объятиях водителя-снайпера-гранатометчика-весельчака-льва) и шепчет ему, касаясь губами прохладной мочки уха:

- Ты ведь побережешь себя, Эли?

Не разобрать, улыбка ли это или на лоб набегают морщины; но он, не мешкая, платит ей той же монетой, старенькой, стертой монетой, у всех парней побывавшей в руках, но что делать – нету другой, и ничто ее не заменит:

- У каждой пули есть свой адресат, девочка. (...)

Мы бьем их по ночам – ночью у нас преимущество. Ликвидируем их базы, вклиниваемся все глубже в их территорию с помощью наших собственных средств, и методы наши все время совершенствуются. Хорошо ощущать уверенную быстроту своих ног, бесшумно двигаться, верить в металл, который держишь в руках (...). В такие часы дело горит в руках, как чистый спирт – ни вспышек, ни дыма, ни запаха. Человек в ладу с самим собой, и не время ему предаваться сомнениям, ибо в глубине своего существа он сознает необходимость и целесообразность своих действий. Им движет верность общей задаче, стремление победить. (...) В такие часы человек не знает ни жалости, ни расчета. Все происходит под знаком действия, жизнь освещена наличием цели, которой она служит. (...)

Джип отчаянно отстреливается.

Снаряд ли, граната ли – вспыхивает бензин. Машина визжит тор-мозами и – останавливается.

Соскочить! В канаву!

Пуля.

Так вот оно?

Сознание мутится в промежутках между вздохами – от мучительной боли. Да боль ли это? Где они?

Так, значит, вот оно?

Драться, драться, победить! Пока еще стреляет раскаленный ствол. Вы не покончили со мной, не покончили. Мы продержимся в огне. Боже – гибнут мои мальчики. Но наши услышат и придут. Вы не покончили со мной – с ненавистью, с жалостью, с обидой, со страстью, с болью, со смятением, с непостижимостью. Боже – мои мальчики гибнут. Так, значит, вот оно? Непостижимо...

Больше ничего.



ГУРИ, Хаим (родился в 1923 г., Тель-Авив), израильский поэт, писатель и журналист. В 1942–47 гг. служил в Палмахе, в Войну за Независимость и Шестидневную войну — офицер Армии Обороны Израиля.

Юношеские стихи Гури, печатавшиеся в различных изданиях Палмаха с 1943 г., пользовались большой популярностью у молодежи. Первый сборник стихов Гури — «Пирхей эш» («Огненные цветы», 1949). За ним последовали другие поэтические сборники, в том числе «Мар'от Гехази» («Видения Гехази», 1973; премия имени Бялика за 1974 г.). Гури автор ряда репортажей (в частности, хроники процесса Эйхмана), романа «Искат ха-шоколад» («Шоколадная сделка», 1965) и повести «Ха-сефер хамешуга» («Сумасшедшая повесть», 1972), а также переводов на иврит произведений французских поэтов и драматургов.

Творчеству Гури свойственны лирическое восприятие действительности и непосредственность выражения. Активный участник важных событий в истории государства Израиль и борьбы за спасение евреев, уцелевших в Катастрофе, Гури часто посвящает свою лирику этим событиям и нередко находит им созвучия в библейской эпике еврейского народа в Эрец-Исраэль. В произведениях Гури личное начало и национальное, индивидуалистические побуждения и стремление активно включиться в общую жизнь своего народа, историческое наследие и современная реальность выступают часто как внутренний конфликт. Нередко этот конфликт находит разрешение в поэтическом синтезе трех основных мотивов творчества Гури: величие древнего Израиля, Катастрофа европейского еврейства и становление молодого еврейского государства.

Вот лежат наши трупы

Смотрите, рядами, рядами лежат на камнях наши трупы.

Глаза наши остекленели, уста ледяные молчат.

На горы спускается сумрак, огни одинокие гаснут.

Мы больше не встанем, чтоб снова встречать на дорогах закат.

Мы больше уже не полюбим, мы пальцами струн не коснемся,

По темным садам не пройдемся, где ветви под ветром дрожат.

.....

Смотрите, как ночь величава, как неба простор необъятен.

Смотрите, во тьме расцветают созвездья, и пахнет сосной.

Закройте нас в эти минуты, закройте нам лица землею!

Здесь колья с колючкой, траншеи, и мы тут семьею одной.
Ты, день наступающий, помни: во имя тебя мы сражались,
Покуда в глазах не померкло, окутанных смертною тьмой.

Рядами лежат наши трупы недвижные. Мы бездыханны.
Но горного ветра дыхание не стихнет, как вечный родник.
Заря занимается в росах, рождается новое утро.
Мы красными стали цветами, и вы догадаетесь вмиг,
Что встретились с «Горным отрядом».
А мы зацветем, запылаем,
Когда в этих скалах замолкнет последнего выстрела крик.

Наследство

Барашек подвернулся в конце. Под занавес.
Нет, не знал Авраам, что агнец – и есть ответ
на невинный вопрос юнца. А был этот мальчик – завязь
мощи неслыханной Авраама на склоне лет.

Авраам поднял седую голову, осознавая:
это не сон. И воочию ангел стоит.
И нож из рук его выпал сам.

Чудесным образом развязались веревки.
Глаза юнца нашли спину отца...

Заклание, как сказано выше, не состоялось.
Пророк Исаак долго и счастливо жил, пока
в свой срок очи его не померкли.

Что ж до наследства, то опять и опять –
и всегда одинаково –
повторяя опыт этих мгновений и дрожь –
от рождения потомство Исааково
в сердце носит жертвенный нож.



АППЕЛЬФЕЛЬД, Аарон (родился в 1932 г., Черновцы), израильский писатель. В Израиле с 1947 г.; окончил Иерусалимский университет. Начал печататься в 1959 г.

С 1979 г. преподавал литературу и иврит в Университете имени Д. Бен-Гуриона в Негеве, а с 1995 г. — в Еврейском университете в Иерусалиме.

Во время 2-й мировой войны Аппельфельд в 8-летнем возрасте попал в нацистский концлагерь, а после войны прошел лагеря для перемещенных лиц. Травма этого периода наложила неизгладимый отпечаток на все его творчество. Основная тема произведений Аппельфельда — чудовищная непостижимость Катастрофы. Первый сборник его рассказов «Ашан» («Дым», 1959) был тепло встречен критикой. Герои рассказов, пережившие Катастрофу и приехавшие в Эрец-Исраэль, не в состоянии избавиться от беспощадно преследующих их ужасов прошлого и не могут найти общий язык с новым окружением. К этой теме Аппельфельд возвращается и в некоторых последующих произведениях, например, в романах «Ха-‘ор ве-ха-кутонет» («Шкура и рубаха», 1971) и «Михват ха-ор» («Ожог света», 1980).

В сборниках «Бе-комат карка» («В подвале», 1968), «Аdney ха-нахар» («Шпалы реки», 1971), «Ке-меа эдим» («Как сто свидетелей», 1964), «Ба-гай ха-пореах» («В цветущей долине», 1964) и «Шаним ве-ша‘от» («Годы и часы», 1975) повествование ведется в импрессионистской манере. Безучастный якобы рассказчик короткими фразами фиксирует истоки явления и разворачивает страшную картину Катастрофы, тем более жуткую, что изображена она в сдержанных тонах. Картина перерастает в универсальный символ, воплощающий апокалиптическую концепцию неизбежности заката цивилизации.

Многие рассказы посвящены теме выживания человека в лагерях и лесах Восточной и Центральной Европы в период нацистского геноцида.

Творчество Аппельфельда занимает видное место в мировой литературе о Катастрофе. Его произведения переведены на многие европейские языки. Он лауреат многих литературных премий в Израиле и за рубежом, в том числе Государственной премии Израиля (1983) и «Коммонуэлс аворд», США (1984).

Из рассказа «Птицы»:

Птицы, по правде сказать, наши лютые враги. Они появились к концу зимы. Словно вырезанные из гибкого металла, долго кружили они

над нами, так что в сумерках от них даже было темнее обычного. (...)

Распахнув крылья, они устремлялись вниз, как брошенный якорь, и тут же, не шевельнув крылом, взмывали ввысь, меняя направление. Эти хищники питались трупами, но к нам, почему-то, может из-за плохого зрения, относились как к добыче. Иногда впадали в недоумение. Выдирали лоскут одежды и уносились ввысь, но тут же возвращались, точно их обманули, и выражали свое недовольство приглушенным ропотом.

В этих голых горах чего только не найдет человек. Но такие птицы редки даже здесь. Ветры их, что ли, навели. А может, и мы сами убогим своим существованием, лишенным надежд. (...)

Старый раввин не произнес ни звука. Его несли на носилках. Не раз собирались мы оставить его. Следовавшие за нами птицы все время пересчитывали нас и все ждали, не оставим ли мы носилки. Может, это удовлетворило бы их. (...)

Вдруг все переменилось. Птицы взмыли кверху, точно кто-то позвал их. Их было больше, чем мы думали. Они летели спокойно и твердо, будто только что вернулись из северных стран. Напрасно зывал к ним Зиндер. Они не замечали его, словно не были с ним знакомы. Птицы заслонили полнеба. Зиндер выглядел так, как если бы его обжулили. С отчаяния он обратился к ним на языке гоев: «Опуститесь... Вы же выдадите нас! Мы на открытой местности. По ночам вы кричите, а теперь еще и летать вздумали... Опуститесь... Мы не принесем вам больше угощений...» (...)

Шпигель вытащил свой поломанный пистолет и нацелился в птиц. Мы не выдадим раввина. Вы не получите его. (...) Похолодало. Мы шли вперед, но они не отставали. Птичий зонт становился все плотнее. Но в один из вечеров они вдруг рванулись вправо, меняя высоту, словно ветры позвали их. Они рванулись так быстро, что оставленная ими пустота потрясла нас. Мы пригнулись, точно ослепленные горем. Хотелось вопить от отчаяния. Но почти сразу мы поняли, что они учуяли неподалеку наших братьев. А птицы уже кружили над теми ближними горами, где еще не простыл наш след.

Раввин приподнялся, точно желая выдать себя, искупить грехи. Но птицы были далеко. Нашу смерть они проглотят целиком, они не оставят ни крошки...



Оз, Амос (родился в 1939 г., Иерусалим), израильский прозаик и публицист. Изучал литературу и философию в Еврейском университете в Иерусалиме (степень бакалавра в 1964 г.) и в Оксфордском университете (1969–1970). С 1987 г. — профессор кафедры литературы на иврите Университета имени Д. Бен-Гуриона в Негеве (Беер-Шева). Член Академии языка иврит (с 1990 г.).

Первые рассказы Оз публиковал, главным образом, в журнале «Кешет» (1958–76), заявившем себя «выразителем нонконформизма и поиска новых путей». Вскоре Оз был признан одним из самых ярких талантов «новой волны» — литературного течения, воплощавшего процесс «амортизации» идеалов сионизма в ходе их осуществления, а также переоценку ценностей в израильском обществе. Образ бойца-героя, строителя государства Израиль в его прозе вытесняет антигерой. Оз подчеркивал: «Об огне и мече я не умею писать. Если я напишу что-либо о войне, то это будет о поте и блевотине, о гное и моче...» («В ослепительной лазури»).

Встреченный с большим интересом сборник рассказов Оза «Арцот ха-тан» («Земли шакала», 1965) уже содержит в основе тематику, манеру и мировосприятие писателя. Жизнь для него — это противоборство конфликтующих начал: личность и общество, нация и человечество, светлые аспекты бытия и темные силы природы, созидательная деятельность и разрушительные инстинкты. Эти коллизии в космосе, в обществе, в душе человека должны завершаться компромиссом, так как абсолютная победа одной из сторон чревата катастрофой.

В ставшем самым популярным романе Оза «Михаэль шелли» («Мой Михаэль», 1968) взаимное внутреннее противостояние мужа-труженика, погруженного в науку и в заботы о результатах своей деятельности, и жены-мечтательницы возведены в олицетворение борьбы между карьеризмом потребительского общества и метафизическим миром романтических эмоций, не дающим выхода творческому началу. Подсознательные устремления героини реализуются лишь в ее мечтах наяву, и неприятие ею компромисса окончательно отрывает ее от реальности — жизни Иерусалима 1960-х гг.

Последующие герои произведений Оза стремятся осмыслить бытие, найти для себя пути искупления и примирения с самим собой и со Вселенной.

Виртуозно владея искусством повествования, Оз мастерски развивает обычно несложный сюжет и увлекает читателя драматическими ситуа-

циями. Язык его богат и красочен, в текстах часты остроумные афоризмы и элегантно выраженные глубокомысленные утверждения

Оз — самый популярный из современных израильских писателей. Тираж его книг — небывалый в истории литературы на иврите. Они переведены на 22 языка, изданы в 26 странах. Оз — лауреат многих израильских литературных премий, в том числе премия имени Х. Н. Бялика (1986), и ряда престижных премий Англии, Франции и США. Его единственный рассказ для детей «Сумхи» включен в Почетный список шедевров детской литературы имени Г. Х. Андерсена в Дании.

Произведения Оза на русском языке были опубликованы в журналах «Континент» (Париж; Оз — член редколлегии этого журнала) и «22» (Израиль). В молодежной серии издательства «Библиотека-Алия» (Иер.) рассказ «Сумхи» (1988) вышел отдельной книгой, рассказы «Чужой огонь» и «На этой недоброй земле» включены в сборник «В поисках личности» (1987), а рассказ «Элиша Шпигельман» — в сборник «Маковый холм» (1978). Переводы сочинений Оза на русский и украинский языки появляются в России и на Украине.

Из рассказа «До самой смерти»:

В Клермонте, в году 1095 от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, призвал Святейший Отец папа Урбан II паству Божию выступить в военный поход, дабы освободить Святую Землю из рук неверных и страданиями на долгом пути искупить грехи, ибо венец страданий — радость духовная.

На следующий год, с началом осени, на четвертый день по окончании уборки винограда, выступил благородный сеньор Гийом де Торон во главе небольшого отряда вассалов, батраков и просто бродяг, направляясь из поместья своего в провинции Авиньон во Святую Землю, дабы участвовать в ее освобождении и тем обрести покой душевный. (...)

«...Приближались мы к местам, где селились евреи, и дни наши стали светлее. Иной дух царил в лагере: строже стал порядок, появились и расторопность, и изворотливость; пожары, нами же раздутые, воспламеняли души, охотничья страсть всколыхнула дремавшие чувства».

На большое не замахивались. Евреев-горожан оставили отрядам посильнее. Сеньор Гийом де Торон двигался по заброшенным провинциям, подчищая окраины — евреев глухой деревушки, трактирщиков или тех, чья мельница притаилась в низовьях реки. (...)

Клод в своих записках упоминает об одной еврейской женщине, с виду — сушая волчица, которая вместе с младенцем была вытащена из сто-

га, служившего ей укрытием. Она ощерила пасть, и обнажились клыки ее, белые и острые, не походившие на человечески зубы. Потом зашипела угрожающе, будто собиралась ужалить или изрыгнуть яд. (...)

Изогнувшись, она начала медленно поворачиваться вокруг себя с младенцем в одной руке, а другую простерла перед собой, растопырив пальцы, будто когти хищной птицы. Изгибы ее тела напоминали движения краба или скорпиона.

Клоду казалось, что еврейка готовится к прыжку, чтобы выцарапать кому-нибудь глаза своими когтями, но не так все обернулось: вдруг она бросила орущего младенца на руки младшему из кельтских братьев, а сама рухнула наземь, распластавшись в пыли, будто уже была мертва. Все это она проделала в полнейшем молчанье, без причитаний и плача, разве что с неистовой судорожностью в движениях. Клод – Кривое Плечо из всех сил боролся с подкатившими к горлу рыданиями – слепой жгучий порыв, почти заставивший и его пасть на землю, распластаться, целовать ступни ее ног и быть попираему этими ступнями... Горячие слезы скатились по Клодовой бороде, когда прикончил он эту волчицу коротким, мощным ударом милосердия и тем облегчил ей муки агонии, так что теперь не придется ей видеть гнусное зрелище, когда разможат голову ее ребенка. (...)

Последней ночью явился знак. В проломах крыши забрезжило легкое просветление. Скудные звезды мерцали в разрывах мглистых облаков, и был над звездами нимб.

И вот, наконец, без лошадей, без одежды и припасов, без женщин и без вина – холод рвет ступни босых ног – встать и идти в Иерусалим. Именно так изначально надлежало им выступить в путь.

Девять спотыкающихся теней. Кривое плечо ковылял во главе, Андреас, трое братьев, четверо слуг, что давно повредились в уме, среди белых полей, от горизонта до горизонта. Идти по белой земле у подножия белых небес, вдаль...

Не в дома свои вернуться – обитаемые края давно исторгнуты из сердец их. И не в Иерусалим, ибо он – любовь чистейшая, но отнюдь не место. Идут, отрешаясь от тел своих, идут, очищаясь, в сердцевину колокольного звона, и дальше – в пение ангелов, и еще дальше, оставляя постылую плоть, устремляясь вглубь, белый поток по белому полог, отрешенное намерение, истаявший пар, быть может, покой.



ИЕХОШУА, Аврахам Б. (родился в 1936 г., Иерусалим), крупный израильский прозаик, драматург и эссеист. Окончил в Иерусалиме гимназию и Еврейский университет. В 1963–67 гг. находился в Париже в качестве генерального секретаря Всемирного объединения еврейских студентов. С 1972 г. — старший преподаватель литературы на иврите в Хайфском университете.

Уже первые рассказы Иехошуа, печатавшиеся в 1957–59 гг. в «Масса» (литературное приложение к газете «Ла-мерхав») и в журнале «Кешет», произвели сильное впечатление близкой к сюрреализму повествовательной манерой, сочетанием фантастики и натуралистических реалий. Действие этих рассказов развивается вне четких временных и пространственных рамок, герои как бы находятся во власти недоступных их контролю могучих внешних сил. В сборниках рассказов Иехошуа «Мот ха-закен» («Смерть старика», 1962), «Мул ха-ие‘арот» («Перед лесом», 1967), «Би-тхилат каиц 1970» («В начале лета 1970», 1972), «Ад хорев 1974» («До зимы 1974», 1975), в сборнике драматических произведений «Шней махазот» («Две пьесы», 1975) и романе «Ха-меахев» («Любовник», 1977) действие постепенно обретает конкретную обстановку, все ярче выявляется проблематика современного израильского общества. Синтаксис Иехошуа близок к строю разговорной речи, лишен нарочитой усложненности, лексика проста и точна. Это немало способствует успеху произведений Иехошуа у современного читателя. Сущность процессов, происходящих в израильской действительности, Иехошуа стремится раскрыть через внутреннее восприятие героев. В эссе о проблемах израильской культуры Иехошуа ратует за создание ее новых форм, основанных на современной европейской цивилизации, за ослабление ее связей с иудаизмом, нынешний облик которого, по мнению Иехошуа, формировался в галуте и приспособлен к ментальности народа, живущего в рассеянии. Иехошуа — сторонник далеко идущих уступок арабам в вопросе о контролируемых Израилем территориях. С конца 1970-х гг. он активно участвует в политической жизни страны как деятельный член Израильской партии труда. Произведения Иехошуа изданы в переводе на ряд европейских языков.

В 1990 году он выпустил многоплановый роман «Господин Мани». Это сага об одной еврейской семье, представители которой испытали на себе все превратности еврейской судьбы и выжили, несмотря на проблемы самоидентификации, возникавшие в каждом поколении. Роман состоит из пяти диалогов, причем в каждом из них читатель слышит голос только одного собеседника, и лишь по его репликам можно догадаться о реакции

других. Повествование свободно переходит от событий 80-х годов XX века к событиям конца, середины и начала девятнадцатого века, а география охватывает Израиль, Центральную Европу, Крит, Грецию, Турцию.

Из романа «Господин Мани»:

Диалог четвертый

Поместье Елени-Сад на западе Галиции, неподалеку от Кракова, 21 октября 1899 года, ночь с пятницы на субботу.

Беседуют Эфраим и Шалом Шапиро.

Доктору Эфраиму Шапиро двадцать девять лет, он холост, родился в 1870 году в поместье родителей Шалома Шапиро и Сары Шапиро. До десяти лет учился дома, частные учителя занимались с ним Торой, Талмудом и немного арифметикой; потом ходил в небольшую еврейскую школу в соседнем местечке. Несмотря на явную склонность к гуманитарным наукам, он по настоянию родителей и благодаря их огромным усилиям начал изучать медицину в знаменитом Ягеллонском университете в Кракове (...). В 1895 году Эфраим получил диплом и, (...) предпочел занять место детского врача в родном округе, чтобы осуществить свою давнюю мечту – вернуться в родное поместье. (...)

С местной еврейской общиной он особых связей не поддерживал, в синагогу ходил только в Иом-Киппур. (...)

В 1898 году его отец Шалом Шапиро поехал на Второй сионистский конгресс в Базель. Он вернулся оттуда под большим впечатлением от личности Герцля и с глубокой верой в новое движение. (...)

В августе 1899 года Шалом, считавшийся официальным делегатом от своего округа, собрался на Третий конгресс, но в последний момент из-за обострения болезни жены вынужден был отказаться от поездки. Вместо себя он послал сына и дочь, чтобы они смогли воочию увидеть лидеров сионизма. После конгресса, вместо того, чтобы как было запланировано, провести две недели в еврейском пансионе в Лугано, Эфраим и Линка отправились в Палестину. (...)

Реплики Шалома Шапиро в приведенном ниже диалоге опущены.

(...)

- В Эрец-Исраэль? Как это «что занесло»? Ха-ха. Такой сионист, как ты, и вдруг спрашиваешь? Ты же послал нас на сионистский конгресс, ты что, забыл? А оттуда направиться в Эрец-Исраэль будто сам Бог велел...

- Что значит «какая связь»? Я думал, что с Палестиной это связано самым непосредственным образом...

(...)

- Все очень жалели, что ты не приехал (...). В пансионате уже было полно делегатов – из Англии, из Бельгии, на кухне спорили, как обеспечить кашрут, и свинина была уже отделена от сыра. Со всех сторон доносилась еврейская речь, и мне вдруг стало не по себе, я зашел в свою комнату и бросился на кровать. «Зачем я здесь?» - спрашивал я себя. (...)

-(...) честно говоря, меня все время точит сомнение: так ли уж мы готовы к этой аванюре, стоит ли торопиться, не ошибка ли обнаруживать перед всеми нашу слабость, ведь мы можем по-прежнему кормиться молоком, прильнув к груди народов, среди которых мы живем, и набирать силы, чтобы наши претензии на флаг и на гимн, когда мы заявим о них, были намного весомее...

(...)

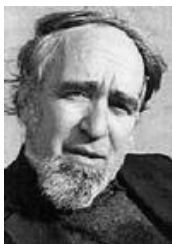
- Нет, нет, неправда, я совсем не хотел подогреть страсти, и тут этот Мани выходит из своего темного угла (...) кругленький и смущенный; я представляю его, свой сюрприз, свою «антитезу»: «Из Иерусалима, господи, он прибыл из Иерусалима, - объявляю я чуть ли не с яростью, - из самого Иерусалима, господи». И этот таинственный Иерусалим словно принес в комнату порыв свежего ветерка. Паны недоверчиво переглянулись: Иерусалим? Не может быть. (...) В этот момент, по крайней мере так зафиксировала моя память, и родилось у меня желание ехать с этим чело-
веком в Эрец-Исраэль, в этот момент я решил: пусть она, Линка, понюхает настоящего пороха, пусть изведает до конца, что такое этот сионизм. Иерусалим, да здравствует Иерусалим! (...)

-...но я думал тогда не о них, а о тебе...

- О тебе. Ведь этот каприз, эта поездка были в какой-то мере направлены против тебя...

- Против этого барского сионизма. (...)

- Нет, конечно, есть и порядочные люди, преданные идее, без которых все выглядело бы иначе, но сколько – и этого нельзя не признать, отец, - сколько бездельников вроде меня, ищущих развлечений на фоне решения судьбы еврейского народа....



ЗАХ, Натан (родился в 1930 г., Берлин), израильский поэт и литературовед. В Израиле с 1935 г. Учился в Иерусалимском университете. Читал лекции в Тель-Авивском университете, с 1977 г. — профессор литературы Хайфского университета. Печатается с 1951 г. Редактировал новаторские журналы «Ликрат» (1952–53, совместно с Б.Хрушовским) и «Иохани» (1961–67, совместно с

О.Бернштейном). Зах оказал весьма значительное влияние на формирование нового направления в израильской поэзии 1950–60-х гг., условно называемого Дор ха-медина («поколение государства»).

Наиболее известны сборники стихотворений Заха «Ширим ришоним» («Ранние стихотворения», 1955), «Ширим шоним» («Разные стихотворения», 1960), «Кол хе-халав ве-ха-дваш» («Все молоко и весь мед», 1966) и новое издание «Ширим шоним» (1974). Характерными особенностями поэзии Заха являются субъективированный лиризм, слитый с приглушенной иронией, и эмоционально обостренное ощущение разорванной ритмики человеческой судьбы. Сборник «Цфонит мизрахит» («К северо-востоку», 1979) включает стихи 1967–78, в том числе лирические циклы, связанные с пребыванием Заха в Англии и других странах Западной Европы. Опытом осмысления новейших процессов в израильской литературе являются критические очерки и исследования Заха, в том числе статья «Махашавот ал ширим шел Алтерман» («Размышления о поэзии Альтермана», «Ахшав», № 3–4, 1959) и книга «Зман ве-ритмус эцел Бергсон ве-ха-шира ха-модернит» («Время и ритм у Бергсона и современная поэзия», 1966), где стиховедческий анализ обусловлен ощущением общности проблематики новой поэзии и философского интуитивизма.

Зах выступает и как переводчик (в том числе собственных стихотворений на английский язык). Русские переводы нескольких стихотворений Заха опубликованы в журнале «22» (№ 1, 1978).

Минутку

Если можно, помолчите минутку. Прошу. Пора
кое-что рассказать. Он прошел
так близко, что я мог бы припасть к краю
его плаща. Нет, не припал. Но кто мог
знать об этом. Вот и я не знал.

К его одежде пристал песок. В бороде
травинки запутались. Видно, ночь
он провел на соломе. Но кто мог
знать, что наутро он станет
пуст, как птица, тверд, будто камень.

Вот и я знать не мог. Его не виню. Иногда
чувствую – вставший во сне,

он движется рядом, мореподобный сомнамбул,
говорящий мне: Сын мой.
Сын мой. Я не знал ведь, что ты настолько со мной.

Видя белую птицу в черной ночи,
понял я – скоро угаснут лучи
глаз моих в черной ночи.

Видя облако, с ладошку величиной,
понял я – чувство дождя, которое здесь со мной,
так передать не смог я, чтоб ощутил другой.

Видел я – падает лист, вон сколько листьев упало.
Нет, я не жалею. Просто времени мало.



АМИХАЙ, Иехуда (1924, Вюрцбург, Германия, – 2000, Иерусалим), израильский поэт и прозаик. В 1936 г. бежал от нацистов в Палестину и поселился в Иерусалиме. Во время второй мировой войны служил в Еврейской бригаде британской армии, участвовал в войне против арабов в 1948 году. После войны он окончил Еврейский университет в Иерусалиме. Работал учителем в школе. Начал публиковаться в конце 40-х годов. Первый сборник его стихов «Ахшав у-ве-ямим ахерим» («Ныне и в другие дни», 1955), знаменовал становление нового направления в израильской поэзии, для которого характерно создание поэтических образов путем контрастного сопоставления понятий и терминов современной цивилизации со словами и оборотами Библии, Мишны, средневековой классической поэзии и т. п. С тех пор Амихай опубликовал несколько сборников стихов.

С 1970-х гг. поэзия Амихая приобрела новый размах. Его сборники «Лизкор» («Помнить», 1971), «Ме-ахорей кол зе мистаттер ошер га-дол» («За всем этим скрывается большое счастье», 1974), «Ха-зман» («Это время», 1977) и «Ша'ат ха-хесед» («Счастливый час», 1983) демонстрируют тематическую и образную зрелость, сохраняя индивидуализирующую и метафорическую силу. В 1981 г. появились итоговые сборники его стихов: «Мивхар ширим» («Сборник песен») и «Ширей ахава» («Песни любви»); в том же году издан в Нью-Йорке с параллельными текстами на иврите и

английском).

Прозе Амихая — его новеллам, повестям и роману «Ло ме-‘ахшав, ло ми-кан» («Не теперь и не здесь», 1963) — присуща свободная, подчас рефлектирующая манера изложения, изобилующая авторскими раздумьями и лирическими отступлениями.

Успехом пользуются радиопьесы Амихая; в 1978 г. появилась в печати книга его детских рассказов.

Амихай перевел на иврит произведения немецких писателей-антифашистов: пьесу Р. Хоххута «Наместник» (1964), сборник стихов Эльзы Ласкер-Шюлер (1964), сборник повестей Г. Гессе «Обеты» (1977).

Произведения И.Амихая переведены на разные языки, его творчество отмечено израильскими литературными премиями (в том числе, Лауреат Государственной премии Израиля за 1982 г.)

Сон в Иерусалиме

Когда избранный народ
становится народом, как все,
строя свои дома,
дороги свои мостя,
взрывая землю свою для труб и воды,
мы лежим вместе в низеньком доме,
мы – поздние дети этого старинного пейзажа.
Потолок изгибается над нами в любви
и дыхание наше – то,
что дано нам,
и то, что однажды вернем.

Сон, он там, где камни.
В Иерусалиме можно спать.
Радио приносит дневные звуки из страны,
где сейчас день.
И слова у нас горьки, как миндаль, забытый
на дереве,
но если спеть их в другой стране,
они сладки.
И словно пламя в ночи
в пустом стволе оливы,

вечное сердце алым пылает
от спящих невдалеке.

Как было тогда

Как было тогда,
когда вода, что пили ночью, потом
была всем вином мира.

И двери, так никогда и не вспомню,
как они открываются – вовнутрь или вовне,
и все эти кнопки у входа в твой дом –
зажечь свет, позвонить или для молчания.

Так мы хотели, мы хотели так?
В трех комнатах наших,
у открытого окна,
ты обещала мне, что не будет войны.

Подарил тебе часы вместо
кольца обручального: округлое доброе время,
самый зрелый плод
бессонницы и вечности.

БАР-ИОСЕФ, Йосеф (родился в 1933 г., Иерусалим), израильский драматург и прозаик. Детство провел в квартале, заселенном ультраортодоксальными евреями. Затем под влиянием духовных поисков отца пережил период метаний и в 15-летнем возрасте окончательно отошел от религии. После школы И. Бар-Йосеф год плавал на судах торгового флота, затем, пройдя службу в Армии Обороны Израиля, работал в строительстве, занимался журналистикой (впоследствии Бар-Йосеф как военный корреспондент участвовал в Шестидневной войне, Войне Судного дня, Ливанской войне). В 1958–60 гг. изучал в Еврейском университете в Иерусалиме английскую литературу, еврейскую и общую философию, каббалу. И. Бар-Йосеф с юности писал короткие рассказы; в 1955 г. вышел его первый сборник «Сфатаим мелухот» («Соленые губы»), в 1962 г. были опубликованы вторая книга рассказов и пьеса «Тура», тепло встреченные читателями и критиками. В 1963 г. пьеса была поставлена театром «Камери» и пользовалась большим успехом. Йосеф Бар-Йосеф написал еще 12 пьес, которые идут на сценах ведущих израильских театров, переведены на мно-

гие языки и поставлены в ряде зарубежных стран; две из них — «Анашим кашим» («Трудные люди», 1973) и «Пардес» («Цитрусовая плантация», в русском переводе «Сад», 1985) — с 1992 г. идут в Москве (театр «Современник»), Санкт-Петербурге и других городах бывших республик Советского Союза.

Большинство пьес Бар-Иосефа написано для небольшого состава исполнителей; в них, как правило, изображается замкнутая группа людей, которая находится в конфликте с внешним миром или раздирается внутренними противоречиями, а затем переживает «взрыв» в результате вторжения «инородного тела». Такую роль играет приезд гостя из Иерусалима в ортодоксальную семью («Трудные люди»), появление преподавательницы балета из России в семье израильских старожилов («Сад») или внука известного раввина в селении, где живут евреи, уцелевшие в Катастрофе (пьеса «Кивса» — «Овца», 1970). Нередко действие происходит в «пограничной зоне» — между миром ортодоксального еврейства и миром светским. В пьесах Иосефа Бар-Иосефа всегда присутствует поединок человека с самим собой, со своими фантазиями, и почти всегда героя ждет поражение, например, «Буче» (1983) — об ультраортодоксальной еврейской среде; «Элка» (1982) — о властной матери и трех ее сыновьях, выступающих с запоздалым юношеским бунтом. Драматургия Бар-Иосефа продолжает европейскую и русскую реалистическую традицию; его пьесам, как правило, чужда злободневность, одно из немногих исключений — пьеса «Яша Горен» (1978), в которой зритель улавливает аллюзии на текущие события.

Бар-Иосеф пишет также радиопьесы, которые пользуются успехом не только в Израиле, но и во многих других странах. Бар-Иосеф удостоен многих израильских премий, в том числе премии президента З. Шазара.

Из пьесы «Трудные люди»:

Действующие лица:

Рахель-Лея Голд, или просто **Рахель**, сорокачетырехлетняя старая дева;

Меер-Шимон Голд, или **Саймон**, холостяк сорока семи лет, брат Рахели;

Элиэзер Вайнгартен, или **Лейзер**, соломенный вдовец из Иерусалима;

Бени Альтер, хозяин квартиры, в которой проживает Рахель, старый холостяк.

Действие происходит в Англии, в большом портовом городе, на

протяжении одного вечера и в стенах одной и той же комнаты.

Действие первое

(...)

Рахель. ... Ты только сегодня вернулся... Я тебя спрашиваю, как там было, а ты...

Саймон. Что я?

Рахель. (...) Обычно ты так много рассказываешь... А теперь... Можно подумать, что ты ничего там не видел и ничего оттуда не привез...

Саймон. *(усаживается)*. Я привез оттуда прострел. (...) И кое-что еще. Для тебя. Жениха. Да, оттуда.

Рахель. Я не понимаю.

(...)

Саймон. Что тут не понимать? Я сосватал тебя в Иерусалиме. (...) Его зовут Элизер Вайнгартен. Лейзер. Шесть поколений предков в Иерусалиме. Наш дальний родственник со стороны мамы. Разведен и имеет дочь. Но алименты платить не обязан. Жена сама отказалась – лишь бы дал развод. (...) Он шлимазл. Неудачник. Профессиональный искатель профессий. В последнее время – чиновник. Когда-то в прошлом пытался стать сантехником. Семья не допустила. Очень религиозная семья. Он сам – нет. Он служил в армии и чрезвычайно этим гордится. Бог его не интересует. Но он ищет правды. Он жаждет истины и справедливости. Стопроцентный зануда.

(...)

Саймон. Теперь послушай. Я не давал никаких брачных объявлений. Я просто нашел его, и он был вполне готов к этому делу. Это то, что есть. Постарайся извлечь из него максимум. Ничего другого нет! *(Помолчав.)* Не так уж он и ужасен. Я напрасно качу на него бочку. Просто я не желаю, чтобы ты питала неоправданные надежды. Не желаю, чтобы тебя постигло новое разочарование. Еще одно твое разочарование, и я свихнусь.

(...)

Саймон. (...) Я упрячу тебя замуж! Упрячу, не сомневайся! И ты примешь это с покорностью, ты примешь с покорностью все, что этот милосердный мир опрокинет тебе на голову, ты больше не будешь мне тут орать: «По какому праву?!» По такому праву, что мне надоела твоя опущенная голова, твои нежные глаза, полные слез, и твои чашечки чаю! (...) Баста! Кончено! Мне надоело смотреть, как ты жмешься на улице к стенам! Ты должна ехать в карете, запряженной шестеркой лошадей, поняла? *(Усаживаясь.)* Ну скажи же что-нибудь!

Рахель. Я уже сказала, но ты не обратил внимания.

Саймон. На что я не обратил внимания?

Рахель. Зачем тебе обязательно нужно унизить меня?

Саймон. Унизить? Тебя?

Рахель. Пусть он придет. Посмотрим. Я все время пытаюсь сказать тебе это.



КЕРЕТ, Этгар (родился в 1967 г. в Рамат-Гане близ Тель-Авива) начал литературную работу в 1991 г. со статей для газет и сценариев театральных постановок. В последние годы Э. Керет читает лекции в Школе кинематографии при Тель-Авивском университете и пишет комедийные сценарии для телевидения. Автор либретто к оперетте и сценариев к двум фильмам, удостоенным призов на нескольких европейских кинофестивалях. Рассказы Э. Керета постоянно публикуются в Израиле в различных сборниках и периодической печати. Автор двух книг комиксов (совместно с художником Р. Модан) и сборников рассказов «Трубы» (1992), «Моя тоска по Киссинджеру» (1994) и «Лагерь Кнеллера» (1998), каждый из которых несколько недель возглавлял список бестселлеров в Израиле. В начале 2001 г. вышел в свет четвертый сборник Э. Керета «Вторая возможность». Этгар Керет пишет в необыкновенно популярной сегодня во многих литературах мира манере постмодернистского абсурдизма, поднимая на страницах своих рассказов самые повседневные темы - любовь и дружба, отношения между детьми и взрослыми, работа и армия, поиски смысла жизни и счастья. Он отражает острые социально-нравственные проблемы сегодняшнего Израиля. Вместе с тем, его проза общегуманистична.

Книги и многие рассказы этого одаренного прозаика переведены на английский, немецкий, французский и некоторые другие европейские языки. Писатель — лауреат премии премьер-министра Израиля (1998). Э. Керет, утверждает сегодня израильская литературная критика, — это «настоящий писатель, который смотрит на себя с тонкой и искренней иронией».

Из рассказа «Венерина плоть»:

Уважение к ним, к богам, питали глубочайшее. Едва они прибыли, услуживать кинулись все: сохнутчики, абсорбционеры, жилраспределители — все тут как тут, явка полная. А богам ничего и не надо. Приехали ни с чем, вкалывают, как арабы, и довольны. Так, в конце концов, и остались:

Меркурий – на побегушках, в посыльных, значит, Атлас – в грузчиках, Вулкан – в мусорщиках, иначе говоря, в дерьме. Венера явилась к нам в контору копировальщицей.

А период у меня был как раз не радужный. Не к чему прислониться, некуда деваться. Одиночество... И жажда большой любви. (...) Мой психолог выслушал меня и порекомендовал купить собаку, так что я перестал к нему ходить.

Она работала с половины девятого до шести, иногда и больше. Пересъемка печатного текста и складывание копий в стопки. Но даже вспотевшая – согнувшись над ксерокопировальным аппаратом, она оставалась самым красивым созданием, которое мне когда-либо доводилось видеть. (...)

Она была богиня и зарабатывала тысячу семьсот шекелей брутто. (...) Я хотел жениться на ней, спасти ее. И был абсолютно уверен, что она спасет меня. Не помню, каким образом, но в конце концов мне удалось выяснить, не прочь ли она сходить со мной в кино. Девушка, которую Парис избрал в красивейшую из богинь, подарила меня самой нежной и стыдливой улыбкой, которую можно себе представить. И молвила – «Да». (...)

Пришло время отвезти ее домой. По дороге я поинтересовался, как у нее насчет веры в Бога. Она рассмеялась: «Если ты спрашиваешь, знаю ли я, что Он есть, то, конечно, да. И не один. Богов много! Но верю ли я в него? Нет. Безусловно, нет». (...)

Теперь она уснула и спит возле меня, лежа на животе, лицом в подушку. Губы слегка шевелятся, будто сама с собой разговаривает. Правая рука обнимает меня, ладонь на моей груди, и я стараюсь дышать ни на йоту не глубже, чем это необходимо. Чтобы движения моей грудной клетки не разбудили ее. Она красивая. Очень! Просто красавица. Даже довольно симпатичная. Ну, и хватит. Завтра куплю собаку.

Литература:

Амихай Йехуда // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд. - Т. 1 : Аарон – Высоцкий - Иерусалим : Кетер, 1976 – С. 111.

Амихай, И. Как было тогда / И. Амихай // Тридцать три века еврейской поэзии: Краткая антология: Пер. с иврита. / Составл., предисл., ист.-лит. и биогр. спр., примеч., ред. стихотв. перев., худож. оформл. Я.Л. Ли-

бермана. - Екатеринбург – Каменск-Уральский: Изд-во КАЛАН, 1997. – С. 335.

Амихай, И. Сон в Иерусалиме / И. Амихай // Тридцать три века еврейской поэзии: Краткая антология: Пер. с иврита. / Составл., предисл., ист.-лит. и биогр. спр., примеч., ред. стихотв. перев., худож. оформл. Я.Л. Либермана. - Екатеринбург – Каменск-Уральский: Изд-во КАЛАН, 1997. – С. 332.

Аппельфельд Аарон // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд. - Т. 1 : Аарон – Высоцкий - Иерусалим : Кетер, 1976 – С. 175-176.

Аппельфельд, А. Птицы / А. Аппельфельд // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 438-441.

Бар-Йосеф, Йосеф. Трудне люди и другие пьесы: драма / Й. Бар-Йосеф ; пер. с иврита С. Шенбрунн. - М. : Текст, 2001. – 317 с.

Гурии Хаим // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд Гл. ред. И. Орен, Гл. ред. М. Занд. - Т. 2 : Габбай - Измир. - Иерусалим : Общество по исследованию еврейских общин, 1982 – С. 256-257.

Гурии, Х. Вот лежат наши трупы / Х. Гурии // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 381.

Гурии, Х. Наследство / Х. Гурии // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 382.

Зах Натан. // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд Гл. ред. И. Орен, Гл. ред. М. Занд. - Т. 2: Габбай - Измир. - Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982 – С. 542.

Зах, Н. Видя белую птицу.../ Н.Зах // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 394.

Зах, Н. Минутку / Н.Зах // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 394.

Иехошуа А. Б. Господин Мани [Текст] : Роман в диалогах / Иехошуа А. Б. - Иерусалим : Б-ка - Алия, 1993. – 230 с.

Иехошуа, Аврахам Б. // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд Гл. ред. И. Орен, Гл. ред. М. Занд. - Т. 2 : Габбай - Измир. - Иерусалим : Общество по исследованию еврейских общин, 1982 – С. 764-765.

Керет, Э. Три рассказа: Венерина плоть/ Э. Керет // Ариэль. – 1995.

- № 23. – С.61-62.

Оз Амос // Краткая Еврейская Энциклопедия / Гл. ред.: И. Орен, М. Занд Гл. ред. И. Орен, Гл. ред. М. Занд. - Т. 6: Обеты - Пять свитков. - Иерусалим : Общество по исследованию еврейских общин, 1992 – С. 131-135.

Оз, А. До самой смерти / А. Оз // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 442-474.

Фурстенберг, Р. Ивритская литература Израиля в наши дни / Р. Фурстенберг // Ариэль. – 1993. - № 17. – С. 4-10.

Шамир, М. Зеленый джип: Глава из романа «Своими руками» / М. Шамир // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах. - М. : РГГУ, 2000. – С. 370-377.

[http: // www.eleven.co.il](http://www.eleven.co.il)





Женская ивритская литература в современном Израиле

Отличительной особенностью современной израильской литературы по сравнению с предшествующими периодами является внушительное число женщин - писательниц. Волна феминизма с некоторым опозданием докатилась и до израильской литературы.

«В прежние времена традиционно существовал монолитный Израиль, и его воплощением служил мужчина, первопроходец-пролетарий, еврей по своему личному опыту и психологии. Были, конечно, и писатели других взглядов: женщины, коммунисты, ревизионисты. Однако все они считались ниже рангом как не отражающие коллективный опыт». Когда же сионистская мечта осуществилась, поколебались ценности, ранее принятые всем обществом. Отныне мужчина-пролетарий потерял свою привилегию быть символом. Наступило время законных прав личности: человек рассказывал свою историю ради нее самой, а не для отражения символа коллективных ценностей. Место героического борца за свободу в художественной литературе заняли персонажи с обочины общества или без определенного места в нем.

С 1980-х годов в стране начался культурно-политический плюрализм. Личностная проза прорвала, наконец, возведенную вокруг нее стену молчания и хлынула мощным потоком, торопясь выразить скромный мир простого человека, что еще недавно, в начальный период государственного строительства, в Израиле считалось недопустимой роскошью. Значительно больший вес приобрели, в частности, произведения женщин-писательниц, творчество которых считали прежде чересчур индивидуалистичным и поэтому менее важным.

Изменению на израильском литературном горизонте способствовала, конечно, волна женской прозы, захлестнувшая Соединенные штаты и западную Европу. Долго пребывавшие на обочине женщины произвели фурор и в литературе Израиля. Возросла творческая плодовитость писательниц старшего поколения – **Амалии Кахана-Кармон** и **Иегудит Хендель**. «Хотя большинство книг, написанных женщинами в последнее время, отнюдь не феминистские по своей идее (писательницы и не ставили перед собой задачу сделать их таковыми), но при более внимательном анализе их произведений видишь глубоко затаенный женский гнев». Например, в романе Иегудит Хендель «На званом обеде у моей подруги Б.» есть потрясающая история женщины, умирающей от рака, которая встает со смертного одра, чтобы заняться изнурительно мелочной подготовкой к приему гостей. Ощущая ледяное дыхание приближающейся смерти, она, тем не менее, серьезно волнуется о посуде для мясного блюда и ломает голову над тем, как рассадить гостей за обеденным столом; между тем ее муж уже подобрал себе, как водится, подругу помоложе, а главное – здоровую, на место обреченной жены.

Растущее многообразие ивритской литературы позволило **Наоми Френкель** посвятить свои романы теме новых иммигрантов – жертв Катастрофы. Они – полная противоположность героическим образам, которые много лет господствовали в израильской литературе. Эту галерею литературных антигероев пополнили созданные **Шуламит Харевен** образы эксцентричных, одиноких жителей Иерусалима. Ее очерки на социальные, культурные и политические темы, собранные в книге «Тисмонет Дульси-неа» («Синдром Дульцинеи», 1981), – важный вклад в этот не очень популярный литературный жанр.

Среди более молодых писательниц выделяется **Орли Кастель-Блюм**. Одна из интереснейших писательниц нового поколения, она пишет в ироническом ключе; «за ее характерной для жителей Телль-Авива отчужденностью скрывается глубокое беспокойство». В ее книге «Город Долли», опубликованной в 1992 году и сразу же ставшей бестселлером, блестяще раскрываются сложности родительской психологии. «Главная ге-

роиня буквально сходит с ума, видя беспомощность своего новорожденного сына и размышляя над теми опасностями, которые его ждут. Чтобы отвести их, она врач по специальности, оперирует мальчика и подвергает его курсу химиотерапии. Она стремится, конечно, сохранить его здоровье, но вместо этого лишь создает панику, чем показывает отвращение к своей материнской роли».

Рассказы **Иегудит Кацир** относятся к женской прозе совсем другого рода. Они наполнены образами безграничной свободы детства, особенно яркими и привлекательными на фоне серости взрослой жизни.

Нарушило традиционную «серьезность», которой новая ивритская литература отличалась с самого зарождения, обращение женщин – писательниц к жанру детектива, получившему благодаря им право на существование в современной израильской литературе. В частности, интеллектуальные детективы пишет **Батья Гур**; ее книги уже переведены на другие языки. Заметное место занимает и **Шуламит Лапид**. «Она создала незабываемый образ женщины-сыщицы: это жительница Беэр-Шевы Лизи Баичи, журналистка по образованию; ее внешние отличительные черты – большие ноги и в ушах – дешевые низко висящие серьги». Произведения Лапид звучат как социальное разоблачение слабости и коррупции представителей израильских властей.

Подобные процессы феминизации происходили и в поэзии. **Далия Равикович** вошла в число ведущих молодых поэтов Израиля с появлением первой же книги ее стихов в 1959 году. «В них звучит чувство растерянности, жалоба на несправедливость, которую поэтесса усматривает в самом существовании. Такое восприятие несправедливости неизменно ведет к феминистскому протесту против угнетающего общества». В одном из стихотворений Ракович метафорически сравнивает удел женщины с жизнью муравья:

Муравьи нашли в траве
Половину дохлой мухи,
И было трудно им утащить ее из травы.
Их крошечные бока едва не разорвались от усилия,
А трава ни с того, ни с сего
Ощетинилась вдруг, как будто
Она – ячменное поле.
Что за бред, с чего это трава
Должна думать, что она – ячменное поле.
Я знала, какой муравьям уготован конец:
Это каторжный труд и ранняя смерть.
Несколько толстых жуков тоже мелькнули в траве

И прожужжали что-то глупым муравьям.
Каждый цветок расцвел, как мог,
И розы были богаче, чем в прошлом году.
И тут я заплакала,
Потому что рядом со мной
Все они стали такими великанами.

Бунтарству Равикович противостоит традиционный, религиозный мир **Зельды** (1914-1984). Она одна из немногих поэтесс – приверженцев ортодоксального иудаизма, и «ей присущ свойственный верующим душевный покой». Творчество этих двух поэтесс при всех различиях между ними все-таки не бросало вызова, и потому их нельзя причислить к феминисткам. Они стремились, скорее, дополнять творчество мужчин, а не резко отличаться от них.

Эта поэтическая позиция за последние десятилетия резко изменилась с появлением таких поэтесс, как **Леа Аялон, Хамуталь Бар-Йосеф, Майя Беджерано, Сигалит Давидович, Рахель Халфи, Хевда Гаркави, Далия Герц и Аги Мишоль**. Открыто не призывая к равенству полов, они описывают исключительно женские эротические ощущения и чувства, чего их предшественницы делать не могли. Революционной провозвестницей современной женской поэзии стала **Иона Воллах** (1944-1985): «она отважилась изобразить дерзкую женщину, не стесняющуюся своей сексуальности, раненую и отвергнутую душу, склонную к безумным фантазиям и к мистике». Таким образом, со снятием канонического запрета на лирическую поэзию женское поэтическое творчество начало развиваться беспрепятственно.

Глубокие перемены в жизненном опыте страны сделали современную литературу Израиля более открытой, в ней появилось многоголосие, в котором зазвучали и женские голоса. Писательницы, покинув обочины ивритской литературы, смогли наконец занять в ней свое место.



Из рассказа Орли Кафель-Блум «Женщина, которая родила двойню и по- крыла себя позором»:

(...) Родильный дом наводнили семьи мужа и жены. Каждый, кто подходил к роженице с поздравлениями, узнавал от нее, что новорожденных зовут Хамураби и Навуходоно-

сор. Муж не знал, куда деваться.

Когда люди слышали имена, которые выбрала женщина, их рука, протягивающая букет, застыла в воздухе.

Муж видел это. Он предлагал жене нормальные имена, например Итай или Даниэль, но все, как в колодец, и муж потерял терпение. Всем, кто спрашивал, как назвали детей, он отвечал «Итай и Даниэль», а жена говорила: «Хамураби и Навуходоносор». К вечеру муж заплакал (...).

Всю ночь муж ходил взад-вперед, ломая голову над тем, что принять, а утром вошел к жене в палату и сообщил: ночью ему было видение. К нему явился Бог и предупредил: «Горе вам, если назовете своих детей Навуходоносором и Хамураби!» Неправда, как вы уже догадались.

У жены губы сухие, бескровные, цвет лица с желтизной. Послушала мужа и говорит: ночью и ей было видение, приходил Бог и велел дать детям имена Навуходоносор и Хамураби.

(...)

Положение, с точки зрения мужа, стало еще более отчаянным: мало того, что от них отказались друзья, но, когда жена первый раз вывезла в свет Хамураби и Навуходоносора, из городского парка бежали все чужие мамы и даже няньки.

На работу, делать нечего, муж вернулся, но мрак от этого не рассеялся.

(...)

В один прекрасный день, когда в поднебесье он орудовал на портовом кране, далеко внизу появилась жена с двойняшками в коляске (...). Муж попросил подменить его, слез на землю и, счастливый, пустился со всех ног к жене. А та говорит:

- С добрым утром, ты забыл бутерброды.

Муж расстроился – не описать. Он-то думал, покорила и поладила с Итаем и Даниэлем. (...) И прямо в порту он выдал не просто спектакль, а гала-концерт! Рвал на себе волосы, размазывал слезы по лицу, допустил себя до полного, так сказать, и окончательного самовыражения. (...)

Ровно через час и тридцать минут таких кульбитов он выпрямился, выпятил грудь и сказал:

- Оно из двух: либо ты зовешь их Итаем и Даниэлем, либо – конец. Всем: тебе, двойне и мне.

- Быть по-твоему, - сказала женщина, - но Итай – вот этот, а не тот, тот Даниэль. Не так ли?

Муж не верил своим ушам. Ну как поверить, что жена выбросила из головы имена Хамураби и Навуходоносор? Но вот вам, пожалуйста!

Иона Волах

Чтоб путь свой осознать,
Я вспоминала,
Я признавала все, и отрицала –
К чему все это?
Я возвращалась вновь,
И убегала,
И, стоны приглушив, опять шагала,
Ища ответа...
Но нужно ль вспоминать?
Я забывала и о другом мечтала,
Размышляла
О цели возвращения.
В откровеньи
И жертвенной надежде я грешила,
Но, к вере обратясь, собрав все силы,
Я искренне познать в тот миг желала –
А нужно ли опять все начинать сначала?
Я плакала, изнемогала в хвори,
Я исцелялась в человеческом хоре...
- Зачем бежать? – я думала, и вновь
Себе шептала: - Нет, не прекословь.
И в поисках немого откровенья
Твердила вслух:
- К чему все повторенья?..
Они нужны, чтоб глубоко понять
Весь путь
Сквозь этот хаос беспробудный,
Чтоб наконец, очнувшись, осознать – Что ж мы творим
Бездумно,
Безрассудно?



Предсномстихи

Намекают нам, что вот есть и другой секс.
Хорошо, что кто-то знает об этом, что это есть.
И если есть другой секс, то пускай при
ведут его сюда, мы узнаем его и тогда от
кровенно поговорим, что вот он или нету его.
Что мы ведь уже утомленынчеочень от
наших жен и подруг девственниц, и все
это время показывают в картинах, что вот
взаправду что-то есть другое, и мы
сквозь роздых чувствуем, что это не зря.
И если есть другой секс в мире другом,
женщины новые и знающие, то от
чего не приведут сюда нескольких, чтобы они на
учили наших жен усталых, и может быть кста
ти откроют границы, а то мы ведь
утомленынче и зажатычересчур мы здесь.

Литература:

Волах, И. Предсномстихи / И. Волах // Тридцать три века еврейской поэзии: Краткая антология в перевоах с иврита / Составл., предисл., ист.-лит. и биогр. спр., примеч., ред. стихотв. перев., худож. оформл. Я.Л. Либермана. – Каменск-Уральский: Изд-во КАЛАН, Екатеринбург: УК «Банк культурной информации», 1997. – С. 373-374.

Воллах, И. Чтоб путь свой осознать... / И. Волах // Тридцать три века еврейской поэзии: Краткая антология в перевоах с иврита / Составл., предисл., ист.-лит. и биогр. спр., примеч., ред. стихотв. перев., худож. оформл. Я.Л. Либермана. – Каменск-Уральский: Изд-во КАЛАН, Екатеринбург: УК «Банк культурной информации», 1997. – С.371-372.

Домб, Р. Ивритские писательницы / Р. Домб // Ариэль. – 1995. - № 23. – С. 68-83.

Кастель-Блюм, О. Женщина, которая родила двойню и покрыла себя позором / О. Кастель-Блюм // Ариэль. – 1993. - № 17. – С.62-64.



Русский литературный Израиль

Трудно представить себе израильскую культуру последних десятилетий без «русского фактора».

По словам М.Вайскопфа, одного из русско-израильских авторов, В 1970-е годы люди, приехавшие в Израиль из Советского Союза, начали публиковать здесь свои литературные сочинения. Так возникла и разрослась некая новая словесность, обособленная в языковом отношении от общеизраильской, а тематически – от советской культуры.

Хотя существует эта русско-израильская литература уже по крайней мере три десятилетия, до сих пор еще нет

«ни одной не только аналитической, но даже сносной обзорной работы, посвященной этой теме».

Однако, процесс осмысления этого феномена так или иначе происходит и находит отражение в текстах как российских, так и израильских литераторов. Предлагаем познакомиться с некоторыми «мнениями сторон» по этому вопросу, а также с образцами художественного творчества русскоязычных авторов Израйля.

Из статьи В.Сердюченко «Русская проза Израиля»:

Будет справедливым сказать, что никакая другая диаспора не создала в Израиле такого мощного литературного дискурса, как русская. Сегодня здесь образовались вполне жизнеспособные писательские коллективы с собственной издательской базой, журналами, газетами, альманахами. Здесь свои творческие конкурсы, спонсоры, гонорары и даже премии. Короче говоря, создана определенная литературная среда. Телль-Авивский клуб литераторов, объединение «Остракон», альманах «22», русские издательства и публичные библиотеки составляют обширный фрагмент культурного ландшафта сегодняшнего Израиля. Здесь кипит творческая жизнь. Кипеть есть чему, потому что, переместившись в Израиль территориально, далеко не все переселились туда сердцем и пребывают в драматической ситуации. Реальный, «ханаанский» Израиль обернулся для романтических пилигримов не еврейской Аркадией с молочными реками и кисельными берегами, а жестким тернистым материком, выжить на котором дано не каждому. (...).

Сегодняшний Израиль живет в состоянии перманентной экзистенциальной тревоги. Что будет с Израилевыми сынами в третьем тысячелетии от рождения Христова, восстаноят ли духовную мышцу в средиземноморском котле наров или будут снова пожраны ими – вот вопрос, который пронизывает израильский воздух. В той мере, в какой русскописательская алия приобщается к этой тревоге, она становится признанной и востребованной. (...) «Книжник с мечом в руках» - вот романтический образ израильского писателя сегодня.

Тем не менее «русскописательское большинство продолжает держаться впитанной со школьным мелком традиции. Казалось бы, именно ее прах следовало стряхнуть со своих ног, переселяясь в альтернативное духовное пространство. Но нет: попытки обрести новую благодать разбиваются о языковой фактор. Кто родился и вырос в русской языковой среде, никогда не избавится от своего культурного первородства. Да и зачем?

(...)

Это, вообще говоря, открытый нерв современных израильских дискуссий. Проблема культурной идентификации занимает в них первенствующее место.

(...)

В реальном израильском литераторе намного больше от «книжника», чем от «меченосца». Впрямую военная тема в русскоязычной израильской литературе отсутствует. Это очень мирная литература. Нация находится

под ружьем, но это никак не отражается на ее культурных предпочтениях. Казалось бы, в ее душе должны звучать боевые тамтамы и звон железа. Судя по ее литературе, этого нет совершенно. Не с генералом Шароном, но скорее с Бруно Шульцем ассоциируются их персонажи. Представим себе Бруно Шульца, перенесенного из дрогобычского гетто в воюющий Израиль, - это и будет типичный герой современной русско-израильской прозы. Кругом бушует интифада, трещат винтовки снайперов, ортодоксальные хасиды захватывают палестинские пастбища – наш герой погружен в сложные расчеты со своей совестью и еврейской долею. Даже лихая писательская манера **Петра Межурицкого** или бесшабашные автобиографические сарказмы **Микки Вульфа** несут в себе эту неизбывную рефлекссию. Ядовитая ирония героя направлена прежде всего на самого себя и иногда кажется чрезмерной. (...) Скорее всего, это рецидив возрастного диссидентского комплекса, одолевающего любого выходца из СССР.

Много драматичнее (и взрослее) проза **Якова Шехтера, Юлии Винер, Жанны Корсунской, Владимира Фромера, Марка Зайчика, Юрия Аптера**. (...) Это добротная психологическая проза. Иронии в ней тоже предостаточно, но это ирония сквозь слезы: классическая формула еврейского писательства. Любопытен сборник Юрия Аптера «две с половиной вечности». Это повествование о новейших еврейских Агасферах, энциклопедия человеческой неприкаянности. «Время действия – 90-е годы истекающего столетия. Действующие лица – новые эмигранты, родившиеся в стране исхода – СССР; мусорщики и философы, бродяги и сексоты, сторожа и прочие аутсайдеры. Продолжая традиции русской литературы, автор рисует образ «лишнего человека», особую его модификацию – еврейскую». (...) Казалось бы, оказавшись «среди своих», избавившись от антисемитского окружения, персонажи этого и других авторов должны обрести душевное равновесие и согласие с миром. Но нет. Как говорил Сергей Довлатов: «Солженицин утверждал, что все мы жили в советском аду. Я же считаю, что ад – это мы сами».

(...)

Но вот состоявшийся израильтянин и литератор, «persona grata» международных форумов и конгрессов, один из лидеров правозащитного движения в СССР. Как же он назвал один из своих итоговых сборников? «Трепет забот иудейских». Александр Воронель уловил эту метафизическую неуверенность олимского еврейства. Здесь и фантомные боли в добровольно ампутированном русско-советском прошлом, и скептический взгляд на израильское настоящее, и неуверенность в духовной доброкачественности сделанного выбора. Воистину не генералы Шароны, а Бруно Шульцы, Захер-Мазохи и Кафки определяют умонастроения значительной

части гуманитарной израильской интеллигенции.

Среди нее есть и авторы, преодолевающие этот «синдром Кафки». У них – солидный запас душевного равновесия, более эпическое видение человека и его мира. (...) Этот потенциал реализуется в творчестве **Якова Шехтера, Нины Воронель, Михаила Юдсона, Дины Рубинной**. Они по-настоящему конкурентоспособны в метропольном поле российской словесности.

Яков Шехтер

Надежный профессионал израильской литературной команды. Его проза осознанно демократична. Она не утомляет стилистическими изысками, не выглядит парадом сюжетных кунштюков, не ошарашивает постмодернистской лексикой. (...) Рассказчик – бытописатель и реалист. Не становясь на голову, он предпочитает описывать то, что совершается на расстоянии вытянутой руки. (...) Он как художник настолько талантлив, что умеет находить шекспировскую коллизию в обыденном соре и дрязге жизни. (...)

С одной стороны, перед нами разночинное израильское «множество», точнее, та его часть, которую составляет миллионная русская алия. С другой – все они искушаемы разнообразными духовными заботами и тревогами; им, говоря словами Достоевского, «не надо миллионов, а нужно мысль разрешить».

Как правило, эта мысль упирается в роковое «кто мы, евреи?». Здесь Шехтер не оригинален. Весь духовно-психологический строй его прозы аранжирован этим проклятым вопросом, он постоянно возникает в речах героев, определяет их поведение и поступки. (...) Они переживают свое еврейство с ревностью и любовью, воодушевляясь, колеблясь, снова воодушевляясь и беспрерывно взыскав единственной и окончательной еврейской правды. (...)

В любом случае некоторая обиженность большинства его персонажей несомненна. Они ехали в идеальный, созданный их романтическим воображением Israel, а оказалось, что у реального Израйля собственные жизненные приоритеты и предпочтения, и эти ножницы между «должным» и «сущим» изживаются не просто, временами мучительно.

Нина Воронель

Неожиданный случай в русско-израильской прозе. Сюжеты Нины Воронель лежат «поперек» всякой традиционной беллетристики. В одном флаконе – Агата Кристи, Айрис Мэрдок, еврейский вопрос и англо-немецкая готическая мистика. Знания, полученные на заре жизни в Литин-

ституте имени М.Горького, Нина Воронель использовала для создания уникального писательского проекта, не поддающегося жанровой классификации. Интеллектуальный детектив? Новейший восточно-западный диван? Затрудняемся с ответом. К примеру, последний роман Нины Воронель, «Ведьма и парашютист», смущает самым парадоксальным названием.

(...)

Короче говоря, творчество Нины Воронель выглядит ярким пятном на фоне современной израильской словесности и уравнивает его высокодумную составляющую. Оно противостоит заунывному бытописательству. Место действия, как правило, не Израиль, но некое усредненное европейское пространство, Рах Romana, населенный искателями приключений, террористами, интеллектуальной богемой, всем этим ориентальным человеческим множеством, ищущим удовлетворения своих страстей на пороге XXI века.

Михаил Юдсон

Еще один *enfant terrible* в садах современной израильской словесности. Повесть «Лестница на шкаф» принесла автору известность по обе стороны океана. Вечнозеленый еврейский вопрос осмыслен Юдсоном в сюрреалистических формах «русского морока». Перед нами условно фольклорная Москва, урбанистическое чудо-юдо, гремучая смесь из русско-татарского средневековья и безумной современности. Она населена орущими юродивыми, ордынцами, погромщиками на боевых ковзанках. Герой – робкий еврейский учитель, трепещущее интеллигентское семья. (...) русская (и еврейская) метафизика доведены здесь до гомерических крайностей. Ученики обещают защитить своего учителя, если тот обучит их компьютерной грамоте. Описание компьютера стоит того, чтобы его воспроизвести:

«Стоял тот посреди просторного мешка и был очень внушительный, на колесах. Индикаторы мигали, шкалы там разные светились неугасимо, рычаги торчали.

Илья обошел его кругом, потрогал фанерные борта, постукал валенком в тугие скаты. Тумблеры, панели – все выпилено, как надо.

- Он самый, - с уважением констатировал Илья.

- Сделано на совесть, - подтвердил Евпатий. – Теперь бы узнать, куда чего совать и на что нажимать. Научиться бы! (...)

«Как бы не оставили меня здесь, в подвале, - подумал он опасливо... - А то прикуют за ногу к компьютеру, налегая впалой грудью на ры-

чаг, и таким образом приносить пользу, что-нибудь молоть, например, грибы ихние...»

Смешно?

Но не только. (...) Дело в том, что он любит эту Россию. Дальше больше: оказывается, Россия тоже любит его, но странною любовью. «Она пьет и бьет – значит, любит». Герой заморожен и очарован этой terra Russia, он совершает отчаянные попытки, чтобы стать «своим», раствориться (...).

Короче говоря, в этой сумасшедшей повести так много экзистенциальной, метафорической правды, что остается поздравить автора с творческой победой.

В романе **Дины Рубинной** «Вот идет Мессия!» Израиль предстает уникальным. О, совсем не райскими кущами. Дины Рубины пребывают в постоянном напряжении, в погоне за копейкой, в изнурительной житейской суете. Среди них нет удачливых, богатых, состоявшихся, а два миллионера, появляющихся к концу повествования, вызывают чувство оторопи непродоходимой тупостью и готовностью захватить любому, в том числе друг другу, кулаком в глаз. Еще один богач, Сева-параход, страдает меланхолией и ухитряется совершить на протяжении романа шесть (!) попыток суицида. В «рубиновском» Израиле вообще полно юродивых, блаженных и просто сумасшедших, причем их помешательство почти всегда корреспондирует с названием романа, но с неизменным уточнением: «Мессия – это я».

Так что же, этот роман – сатира, а Дина Рубина – еврейский Салтыков-Щедрин в юбке?

Да. Но нет. Точнее, и да, и нет. Потому что, читая роман, то и дело ловишь себя на готовности самому стать обитателем этого фантазмагорического квартала «Махане Руси», прилепившегося к склону горы, откуда открывается панорама на вечный, благословенный, грешный, непостижимый, плавающий в рассветных или закатных лучах Ершалаим.

А через страницу начинаешь в своей готовности сомневаться. Щемлящая нежность уступает место сарказму, восхищение – раздражению, и в таких растрепанных чувствах заставляет пребывать читателя Дина Рубина с первой до последней страницы романа. Да что же это такое, в самом деле! Да кто они, наконец, эти евреи?

(...)

Самые сатирические эпизоды «Мессии» имеют некую сострадательную изнанку. Можно ли издеваться, страдая, но только такую возможность оставляла читателю вся русская классика, а в наше время, очевидно, Дина Рубина.

(...)

Литературный процесс сегодняшнего Израиля насыщен. Не все в

нем доброкачественно. Процент графоманов в израильской литературе примерно таков же, как в любой другой (...) не все вывезли с собой лучшее из метропольной словесности. Не будет неправдой и то, что гениальных открытий сегодняшняя русско-израильская проза не содержит. Но в чем ее не упрекнешь, так это в бескультуре: это очень *образованная* литература. (...) израильский литератор выглядит вот именно филологом, «книжником». Считать это достоинством или недостатком, зависит от типа читателя.

Из рассказа Якова Шехтера "Свидетель":

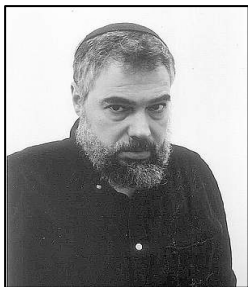
(...)

Сегодня в нашем местечке живут только литовцы.

Перед отъездом я предупредил Аушру: в Израиле есть всего две национальности - евреи и арабы. Она согласилась. Мы поселились в Реховоте, я быстро освоил язык, нашел работу. (...) Аушра училась. Через год она прошла гиур. (...) и тут мою жену словно подменили. Ребе, который обучал Аушру, предупреждал, что такое возможно. Я не верил. (...)

Вскоре выяснилось, что Аушра допустила Закон слишком близко к сердцу. Со своей немецкой педантичностью она принялась исполнять не только его букву, но и все знаки препинания. Наш дом наполнился бесконечными запретами и ограничениями. Мы стали ругаться из-за молочных и мясных чашек, курения в субботу, чистых и нечистых дней...

После развода жизнь потеряла для меня вкус. Ребе оказался прав: разрушение семьи подобно разрушению Храма. Но Аушра думала иначе. Теперь никто не мешал ей наслаждаться запретами. (...)



«Пора сосредоточиться на своем народе...»

(Из интервью Якова Шехтера «Мигдаль Times»):

- Вы являетесь представителем русскоязычной израильской литературы. Есть ли точки соприкосновения этой литературы и остальной израильской? Каково культурное пространство этой «остальной» литературы?

— Мне больше нравится недавно использованное Михаилом Вайскопфом название «русско-израильская литература», чем неуклюжее

«русскоязычная на израильской почве». Для меня русский язык — только средство для самовыражения. К сожалению, я не умею так писать на иврите или английском, иначе давно бы перешел на один из этих языков. Язык — это такая штука, которая должна войти с детства, с чтения первых книжечек, запаха типографской краски, сказок, песенок. Можно грамотно изъясняться на выученном языке, но создавать на нем полноценную художественную ткань невозможно.

Я хотел жить в Израиле, и живу в нем уже 16 лет. Мне тут очень нравится — люди, взаимоотношения, язык, народ, пейзаж — все, кроме климата (с ним, видимо, так и не уживусь). Поэтому и пишу о своей жизни и жизни своего народа в этой стране. Меня интересует еврейская история, традиция, характеры, переплетения. Довольно мы пахали на чужих нивах, пора сосредоточиться на своем народе и своей культуре. Правда, после поездки в Одессу я пишу довольно большую вещь, в которой, помимо Израиля, место действия переносится в Одессу, но и это только повод поговорить о наших проблемах.

Израильская литература — это довольно мощное течение, в котором представлены все виды — от авангарда до совершенно реалистической прозы. Каждый год в Израиле издается несколько тысяч новых книг, десятки тысяч переизданий. Я где-то читал, что Израиль одна из самых читающих стран в пересчете на душу населения. Наши «отношения» с литературой, написанной на иврите, пока достаточно односторонние: мы их читаем, они нас нет. Но в последнее время начались массовые переводы на иврит, так что будем надеяться, что положение исправится.

Интервью вела И. Рубинштейн

Из романа Дины Рубиной "Вот идет Мессия!...":

(...)

Вот многие считают: рухнула империя, поэтому и повалили, показали, посыпались из нее потроха - людское месиво.

Распространенное заблуждение - подмена следствием причины.

А может, для того и полетели подпорки у очередной великой империи, чтобы пригнать Божье стадо на этот клочок извечного его пастбища, согласно не сегодня - ох, не сегодня! - составленному плану? (...)

С чем сравнить этот вал? С селевыми потоками, несущими гигантские валуны, смывающими пласты почвы с деревьями и домами?

Или с неким космическим взрывом, в результате которого, клубясь и булькая в кипящей плазме, зарождается новая Вселенная?

Или просто - неудержимо пошла порода, в которой и самородки попадались, да и немало?

Как бы то ни было, все это обрушилось на небольшой, но крепкий клочок земли, грохнулось об него с неимоверным шумом и треском; кто расшибся вдребезги, кого - рикошетом - отбросило за океан. Большинство же было таких, кто, почесывая ушибы и синяки, похныкал, потоптался, расселся потихоньку, огляделся... да и зажил себе, курилка...

(...)

В то время бурно обсуждался вопрос взаимодействия двух культур - русской и израильской. Причем представители русской культуры воспринимали данный вопрос чрезвычайно серьезно и говорили о взаимодействии с горячностью и преданностью необыкновенной, в отличие от израильтян, которые уж не раз что-то такое обсуждали и, подобно Синею Бороде, знали, что в потайной комнате взаимодействий уже заморены голодом несколько разных культур.

Зяма тогда начала догадываться не только о существовании подобного тайного склепа - она поняла, что в нем хватит места для новых и новых жен Синею Бороды. В то время истеблишмент еще заигрывал с "русской" интеллигенцией, еще трепал ее по щечке, хотя запуганная телефонными и муниципальными счетами интеллигенция уже всю шуровала шваброй, где только могла. И Зяма шуровала. Муж ее еще тогда не сдал неперенный экзамен на разрешение работать врачом. Они не то что голодали, нет, конечно, но - боялись голодать.



Из интервью Дины Рубиной

"Ни жеста, ни слова..."

(для журнала «Вопросы литературы», 1999 год):

- Вы живете в Израиле почти десяток лет. Как влияет эмиграция и новый языковой гул вокруг на писательское сознание, на стиль, мироощущение?

- Настолько влияет, что о себе - прежней, "русской", я думаю как о не вполне знакомом мне человеке (...). И дело не только в "новом языковом гуле", (...) дело в совсем ином стиле существования страны, в которой я сейчас живу. Из огромной державы, из великой языковой импе-

рии, с огромного материка - а, как ни говорите, это очень влияло на сознание пишущего человека - я перебралась в крошечную страну, зажатую не только границами, как, скажем, Люксембург или Бельгия, но и постоянной опасностью, постоянным напряжением, постоянным сознанием того, что завтра, буквально завтра, может не стать не только тебя (...), но и всех твоих близких, всей страны, всего народа.

Постоянная, хоть и подспудная трагичность существования - вот что тяготеет здесь над писательским сознанием.

Что же касается языкового гула... Это - особая статья, потому что, видите ли, ни один из языков не напоминает так вывернутый для просушки русский, как иврит, древнееврейский наш язык (...). Бывает, переведешь буквально точно то или иное слово, а, хоть убейте, - все не то. Другое звуковое наполнение смысла, а следовательно, и ассоциативных пазух воображения. (...)

Существование литератора в стихии другого языка (...) это постоянное ежедневное обозначение себя неким отдельным организмом, который живет с двойной нагрузкой: ведь мозг фиксирует звучание ино-языка на фоне постоянно звучащего в тебе плотного потока родного языка (...) - утомительнейшие вериги.

(...)

- *Довлатов говорил, что жить в другой стране можно, только полюбив в ней хоть что-нибудь. Удалось ли вам это? Привязаны ли вы к чему-нибудь на земле Израиля?*

- Да, конечно. Я привязана к этой стране (...) жанрово. Вся эта повозка живет и движется в жанре трагикомедии, и я очень удобно поместилась на запятках - в своем шутовском колпаке, в полумаске, с чемоданчиком фокусника под мышкой. (...) Я ежеминутно чувствую, что я здесь очень реальна и весьма уместна... Кроме того, здесь есть Иерусалим. А он извергает бесконечное количество сюжетных ходов, типажей, разнообразных коллизий. (...) Это самая большая, но с древних времен - самая любимая игровая площадка, на которой ставит свои спектакли Верховный Режиссер.

- *Какова русская литературная жизнь в Иерусалиме? Тусовки, кружки?*

- Да, и тусовки, и кружки, и склоки, и драки, и презентации самых разных (от талантливых до ужасающе графоманских) книг (и, бывает - в один и тот же день, в одном и том же зале), и огромный - по здешним меркам - и весьма разнообразный по составу союз русскоязычных писателей с собраниями, заседаниями, оскорблениями, выяснениями, рецензиями, обвинениями, письмами в защиту, открытыми письмами к: президенту, премьер-министру, мэру Иерусалима, Господу Богу, бывшему другу, бывшему

врагу, потенциальному избирателю... я могу еще строчек на сорок продлить эти перечисления. Можно сказать гораздо короче: рецепт русско-литературного израильского коктейля таков - берем еврейский национальный темперамент, добавляем большую жменьку советской ментальности, всыпаем в гущу полную ложку острых эмигрантских проблем, горсть крупинок обычного человеческого тщеславия, полстакана экзистенциального пророческого зуда, затем вливаем, не жалея, искренней любви к русскому слову и культуре, нагреваем на знойном иерусалимском солнце, сильно встряхиваем и разливаем смесь по самым разнообразным формам и формочкам. Это и будет культурная жизнь русского Иерусалима.

- В финале одной из ваших повестей, "Во вратах Твоих", героиня - отверженная, потерявшая работу, без всяких надежд на будущее - идет в праздничной, ликующей толпе новых соотечественников и говорит себе: "Ну вот, ты среди своего народа... и что же?" По драматизму и безысходности сцена эта напоминает финальные кадры "Ночей Кабирии"... Сегодня мне хочется задать вам тот же вопрос: уже десять лет вы живете среди своего народа... И что же?

- Да ничего, знаете ли... Обычный путь пишущего, то есть думающего, то есть одинокого человека по дорожке, не одной мною пройденной: первое страстное стремление слиться в экстазе, затем - отрезвление, оторопь, даже шок при столкновении с пороками, от которых, оказывается, несвободен любой, любой, и в том числе - твой собственный народ, о судьбе которого прежде думала не иначе как со слезами в горле... Некоторый - очень болезненный и даже страшный - период отчуждения... затем - как в нормальной семейной жизни - смирение, привыкание и в конце концов обыденная, стойкая, горькая любовь к тому, что есть.

Из статьи Льва Аннинского

«Простывающий след Агасфера»:

Русско-еврейский диалог завершается. Жаль. Грустно всякое расставание. Хотя это, казалось бы, должно обрадовать обе стороны. Евреи, проводившие в "утробе Империи" двести лет (...), уходят, наконец, за ее рубежи, на землю обетованную, изживая в душе очередное "пленение" и проклиная страну, то ли их приютившую, то ли принудившую, то ли спасающую, то ли зажавшую.

Дело, естественно, не в этническом происхождении: мало ли людей "иной крови" влилось в русский народ, который весь и составился-то

из перемешавшихся племен: финнов, славян, тюрок - те, что вливались, становились русскими, в том числе и те евреи, которые на это согласились.

Но в том-то и дело, что в основном - не согласились, не смогли, не сумели стать русскими. Что-то в душе помешало. Не потому, что родились евреями, а потому, что вели себя как евреи. И вот - отъехали.

(...) в маленькой крепкой державе на Ближнем Востоке будут решать свои, ближние, восточные проблемы. Агасфер уgomонится. Вечный Жид, вместилище мирового духа, - станет нормальным обывателем в мировом сообществе, наподобие бельгийца или канадца.

А двести лет яростного и темного сожительства? А смысл этого полувменяемого диалога, втянувшего души в беспредельную тяжбу и вывернувшего мозги местечковым мудрецам и русским интеллигентам? Выходить из общины, не выходить из общины... Выйти - значит перестать быть евреями, не выйти - значит отгородиться от русского общества, обречь себя на местечковое прозябание. И, с другой стороны, принимать евреев в русском обществе как "людей вообще"? Но это значит отказать им в национальной принадлежности. Принимать именно как евреев? Но это значит отказать им в русской принадлежности.

"Проклятый народец"... Так и не влились, не слились. Без земли, без языка, без "компактного проживания", когда, казалось бы, ничем не удержаться в качестве "инородцев", а надо бы раствориться без остатка и сопротивления, - так и не растворились. Выпали в осадок. Удержались непонятно чем. Чистым именем, пустым звуком, святым духом.

Загадка.

Разгадывается она - с отъездом. Святой дух возвращается на Святую Землю. Звук имени наполняется государственной медью. Величие страдания входит в нормальный масштаб.

Не расставание страшно. А тревога, простершаяся над двумя народами в момент разрыва. Тревога мысли: что же означало это двухвековое сосуществование? Зачем понадобилось оно в ходе судеб, если кончается таким прощанием?

Поэзия лучше публицистики выявляет общий тонус, общий образ оставляемой, остающейся в памяти евреев России. Поэзия на частности не отвлекается. Она не выясняет, кто же свой, а кто чужой, потому что тень такого вопроса действует сильнее любого ответа на него. (...).

Образ страны зыблется в памяти Агасфера. Россия непрочна. Россия бесплотна. Россия абсурдна. Россия бесследна. Человек в этой стране не может ничего предвидеть (...), он живет под занесенным мечом.

Зов прародины - вот одна из последних спасительных опор. Желтые звезды загораются, прожигая серые лохмотья. Зов предков, зов крови...

Еврею мнится, что сказать "все - как в древности" - значит остановить хаос, это безначалье-бесконечье, эту бесследную невменяемость бытия.

На Святой земле это жгучее стремление бежать из России оборачивается тоской по оставленной матери-мачехе. (...) там они неистребимо именуются "русскими", как здесь не могли перестать быть "евреями".

Еврейская тоска по прародине есть своеобразный выворот русской судьбы, постигшей евреев в последние два века их двухтысячелетнего скитания. Народ, готовый поступиться всеми "естественными условиями бытия" ради самого факта бытия - народ, согласившийся потерять, казалось бы, все: землю, государство, язык, веру, мораль (две последние ценности евреи бросили в "мировой пожар" революционности) - за что народ все это отдал? За факт бытия. За звук имени. И из этого звука, факта, следа - и язык возродили, и веру, и мораль. И на землю вернулись, и государство теперь воссоздали и отстояли.

Но это теперь. И теперь - это великий искус для евреев: отдать мировое страдание за крепкий уютный угол. И это - конец того диалога, который мы стремимся разгадать, того, в котором еврейские и русские души мучались, узнавая и не узнавая друг друга. Теперь - все ясно, и узнавать нечего: вот рубеж, вот виза, вот дипотношения. Вот Россия, а вот Израиль. Шолом! Здравсьте и до свидания.

Но пережитая нераздельность-неслиянность! В этом сыновно-сиротском сцеплении любви и горечи, причастности и изгойства остается неразгаданной какая-то тайна, какая-то зеркальная зачарованность. Русские в глазах евреев - это люди, готовые все отдать, все потерять, всем пожертвовать ради "чего-то", что и определить-то невозможно, разве что определить все так же: как "факт бытия". И примирение с судьбой, и готовность "объять весь мир", и вечная неприкаянность - это же черты русских (в глазах евреев, но не только в глазах евреев!), но это и черты евреев в глазах русских (и не только русских).

Вот на этой-то зыбкой почве и выпало встретиться двум мировым народам: русскому и еврейскому. Ответы на вопросы они дали разные, даже диаметральные. Но вопросы-то были общие. А это и есть диалог.

Магия слов. Два народа, помешавшихся на Слове. Два народа, словно разделенные зеркалом: что-то единое есть (может быть, предназначение неразрешимое), но повернуто зеркально. Перевернуто. Русский мир в глазах евреев абсурден, безумен, "на дурака рассчитан", на голову поставлен. Но он свят. Он только перевернут.

Вот это действительно лейтмотив, причем глубинный, русско-еврейского поэтического самовыражения.

(...) Еврейский ум на русской почве обретает подобие души. Что-

то зеркальное является в несходящемся подобии душ и судеб: правое становится левым, левое правым, как чужое своим, а свое чужим.

Отъезд (алия) в этом контексте - не решение, а лишь переворачивание проблемы, перенос ее с места на место: попадешь на другой крючок, или в другую сеть, и нет разницы, крюк ты перепутал или море. Хрестоматийный еврейский релятивизм (изворотливость) накладывается на хрестоматийную русскую непредсказуемость (дурь). Возникает ощущение жизни вывернутой, выворотной, вечно выворачивающейся. Поражение оборачивается победой, победа - поражением.

В еврейской жизни выявляется скрытая русская слабость, скрытая, глубоко запятанная надломленность русской жизни. Жизнь - полусон, сон - видение, воспоминание о прошлом, мираж будущего. Сон - двухсотлетняя жизнь в России, мираж - возвращение на историческую родину. Кольцуются судьбы, кочевье замыкается на самое себя. Агасфер глядится в зеркало, дурная бесконечность висит над вечным скитальцем, над самоотверженным искателем Смысла.

В грандиозной Бессмыслице единственное, чему можно верить душе, - это то самое: Слово. "Народ Книги" обнаруживает странное родство с народом, которому Словесность на два века заменила и философию, и религию, и здравый смысл. (...) Среди отравляющих память воспоминаний об окаянной жизни неизменно спасительной остается светлая строчка, строчка стиха: русский ямб, русский хорей. Ариаднина ниточка рифмы, нота гармонии в хаосе антижизни, распев русской речи.

Удержит ли эта ниточка расходящиеся берега? Нет. Лишь подчеркнет бездну. Лишь обернет еще раз жизнь, изошедшую на чернила. Лишь очертит то неизъяснимое, что "огибается", охватывается русской речью и ею прикрывается. Можно жизнь прожить в перевернутом мире, "не там" и "не тогда", по чужим углам и под чужими именами. Можно эту судьбу проклясть, перевернуть. Но нельзя не почувствовать, что помимо этой жизни есть еще "что-то", бесконечно важнейшее, неисчерпаемое, неохватное, неопределимое, превышающее любую силу и обесценивающее любую ясность.

Это ощущение соединяет евреев и русских.

Это ощущение - смысл и итог их двухвекового диалога.

Это ощущение - его финал.

Из русско-израильской поэзии:

Лия Владимирова

Звенит в тоске неутолимой
Церковный хор,
Глядят иконы — мимо, мимо,
Потупив взор.

Их лик хранит неизгладимо
Черты примет.
От царских врат к Ерусалиму
Начертан след.

О, шорох ночи Гефсиманской,
Еще продлись!
С тоской безумною, славянской
Переплетись!

И как же ты необычайно,
Двойное «я» -
Два мира у тебя, две тайны,
Два бытия.

Елена Аксельрод

В срединном неверном краю
замыкался мой круг.
Там бледная рощица с ямбом неброским
сроднилась.
Там мысль о Европе в чердачных
картонках хранилась,
Поскольку семье не достался прабабкин
сундук,
Заветный сундук, где надежды хранят

на замке.

Какая Европа?

Чернил бы, да хлеба, да краски,
Да печь растопить, да дверь растворить
без опаски,

А Запад – в альбомах, в нарядном
цветном далеке.

Но круг не замкнулся, и я проскочила –
куда?

Европа не рядом, а рядом шатер
бедуина,

Под вечную землю подложена
вечная мина,

Восток иудейский – вторая любовь
и беда.

Слова не ложатся в свободный
безрифменный стих,

Как лед на скале раскаленной,
мой ямб неуместный,

И губ не смочить этой каплей, студеной
и пресной,

Близ кобальта вод, опаленных, соленых,
густых.

Я к морю спускалась, как прежде
спускалась к реке.

Все то ж снаряжение – анапест, хорей,
амфибрахий.

К молитве вечерней отроги меняют
рубахи.

Восток или запад – лишь билось
бы слово в садке.

Игорь Губерман

Гарики на каждый день

(Из главы VI

*«Господь лихую шутку учинил,
Когда сюжет еврея сочинил»)*

*

Туманно глядя вслед спешащим
осенним клиньям журавлей,
себя заблудшим и пропадающим
сегодня чувствует еврей.

*

Раскрылась правда в ходе дней,
туман легенд развеяв:
евреям жить всего трудней
среди других евреев.

*

Изверившись в блаженном общем рае,
но прежние мечтания любя,
евреи эмигрируют в Израиль,
чтоб русскими почувствовать себя.

*

Новые затеявши затеи
и от страха нервно балагурия,
едут приобщаться иудеи
к наконец-то собственной культуре.

*

Вечно и нисколько не старея,
всюду и в любое время года
длится, где сойдутся два еврея,
спор о судьбах русского народа.

Дмитрий Малкин

Как это странно: вспомнить снег России,
песок синайский мучая рукой...

от Якова: любить одну в другой,
спать с Лиею и думать о Рахили.

От Якова: работать семь по семь,
чужих скотов откармливать и множить,
уподобляться каждому и всем,
но знать:
настанет миг, и Бог поможет.

Давид Маркиш

... Я говорю о нас – сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет,
Пусть русский дух ведет тропа иная –
До их славянских дел нам дела нет.

Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранны, но не сведены.
Мы отомстим – цветами в изголовье
Их северной страны.

Когда сотрется лыковая проба,
Когда затихнет пресных криков гул –
Мы станем у березового гроба
В почетный караул.

Щербат и сер луны ушибный серп.
Еще что? Скажем, мреть и мор на море.
Мы дали вам Христа – себе в ущерб.
Мы дали Маркса вам – себе на горе.

Рина Левинзон

Четверостишья

1

Как все перевернулось круто,
Случайный ветер прах разнес.
Здесь так земля суха, как будто

Ей не хватает наших слез.

2

Я буду жить на этом белом свете,
Как призрак бестелесный, Вечный Жид,
Кочуя из столетия в столетье,
Где Бог мое бессмертье сторожит.

3

Я не спешу с отметкой и с оценкой,
В наш век – что проиграть, что победить.
Какая разница, какой пейзаж за стенкой,
Когда из дома страшно выходить.
(...)

Нина Воронель

Ах, только бы...

Ах, только бы воли себе не давать,
Когда с ледяных берегов Колымы
Грозит мне сиротство Синайской пустыней,
И нет ничего холодней и постыдней
Российской суммы и российской зимы,
Российской судьбы и российской тюрьмы,
Куда не зазорно явиться с повинной,
И где лишь кривые дороги прямы,
И где не зазорно казенной холстиной
Без всяких гробов мертвецов одевать.
Ах, только бы воли себе не давать!

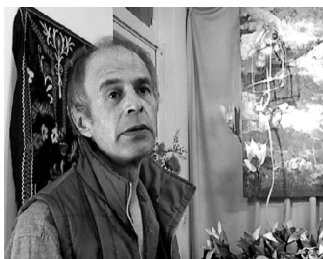
Ах, только бы первой любви не предать,
Когда из глубин поднимается страх,
Когда Увертюрой Двенадцатого Года
Ревет в репродукторах голос народа,
А в сводках атаки и танки в тисках,
И ярость в висках, и останки в песках,
И ясно: в огне не отыщется брода, -
Ведь жизни и смерти лежат на весах,
Ведь жаждет погрома не горсточка сброда,
А родины-мачехи грозная рать.

Ах, только бы первой любви не предать!

Ах, только б остаться самою собой,
Когда в одинокий прозрения час
Я в прошлом себя узнаю среди прочих,
И я в этом прошлом не слово, а почерк:
У предков моих слишком яростный глаз,
А нос слишком длинный и в профиль, и в фас,
И нет мне березки в березовых рощах,
И нет мне спасенья в Успенье и в Спас
(...)

Ах, только б найти Ариаднину нить,
Чтоб сердце дотла отреченьем не сжечь,
Когда умножаются правды и кривды,
И каждая правда не стоит и гривны,
А братство лишь с теми, с кем общая печь,
А прочие братства не стоят и свеч,
И только на кровь неизменны тарифы...
Лишь ты остаешься мне, русская речь,
И только распев дактилической рифмы
Сумел бы с Россией меня примирить.
Ах, только б найти Ариаднину нить!

Русская литература с израильским взглядом



22 июня 2005 года в Москве, в Еврейском культурном центре на Никитской, состоялась презентация "Иерусалимского журнала". («Иерусалимский журнал» выходит ежеквартально с мая 1999 года; издание посвящено, в основном, современной израильской литературе на русском языке). В презентации участвовали московские авторы и члены редколлегии из Иерусалима. За шесть лет своего существования "ИЖ" стал ведущим русскоязычным изданием, опубликовавшим на своих страницах писателей из России, Израиля, Западной и Восточной Европы и Америки. Корреспондент АЕН взял **интервью у главного**

го редактора "Иерусалимского журнала" Игоря Бяльского. Предлагаем отрывок из этого интервью.

- Игорь Аронович, в детстве, в школе каким было Ваше самоощущение, Вы считали себя евреем или представителем советского народа, "новой исторической общности"?

- Я всегда знал, что я – еврей. И советский человек, конечно, тоже. Много лет прожил в Ташкенте, возможно, самом космополитичном городе СССР. В этом русском городе жили узбеки, таджики, уйгуры, украинцы, армяне, греки, высланные немцы Поволжья, репрессированные крымские татары и чеченцы, бухарские евреи, переселенные турки и корейцы... можно долго перечислять. Самоощущение – пламенный интернационалист. У меня не было предубеждений к людям других национальностей, да и сегодня их нет. Правда, сегодня оно не такое пламенное. Я, например, не считаю, что арабы хуже евреев потому, что они – люди другой цивилизации и их моральные нормы и человеческие качества не доросли до наших. Мне достаточно понимать, что они считают своей землей, на которой мы, израильтяне, живем и тоже считаем своей. Поэтому мы в конфликте с ними. Но, может быть, в человеческом плане они лучше евреев, это только Господь может определить.

(...)

- Расскажите, пожалуйста, как Вам пришла идея создания литературного журнала.

- У каждого еврея однажды появляется идея создать свой журнал. Если говорить более серьезно, то, конечно, в Израиле уже существовали журналы на русском языке. Например, журнал "22". Он начал издаваться в 70-е годы людьми, которые приехали за 20 лет до нашей большой алии, и объединил вокруг себя литераторов другого поколения и другого "призыва". "22" возник в конфронтации с советской литературной периодикой. Это был и есть один из эмигрантских журналов русской диаспоры, естественно, с поправкой на сионизм, журнал литературный и общественно-политический.

Любой журнал – мафия в хорошем смысле этого слова. Ведь "мафия", если перевести, означает "семья". За годы существования журнала складывается круг авторов. Если появляется новый автор, может быть, он постепенно войдет в этот круг. Но если появляется еще столько же, а в нашем случае, в пять раз больше авторов, ясно, что все они не уместятся в рамках одного издания, каким бы замечательным оно ни было. Тем более, что к тому времени, когда мы начали свой журнал, "22" с ежемесячного перешел на кварталный формат. То есть, авторов появилось больше, а

количество страниц уменьшилась. Тогда возникло несколько новых литературных изданий: журнал "Зеркало", альманах "Солнечное сплетение", наш "Иерусалимский журнал". Мы от других отличаемся тем, что не стремимся выражать только одну эстетическую позицию, быть рупором какого-то одного литературного направления. У нас публикуются и авторы, работающие в "классическом" ключе, и молодежь, которая получает возможность показать свои эксперименты. Но быть только экспериментальным изданием мы не стремимся.

- *Из каких рубрик состоит "Иерусалимский журнал"?*

- Названия рубрик воспроизводят топонимику Иерусалима: Львиные ворота, Русское подворье, Сионские ворота, Немецкая колония, Яффские ворота, Венгерский квартал, Шхемские ворота, Парк Сакер, Американская колония, Холм памяти, Христианский квартал, улица Бецалель, Подзорная гора и другие. Это журнал современной израильской литературы на русском языке. Но по названию многих рубрик можно догадаться, что у нас печатаются не только израильтяне. В "Американской колонии" – Дмитрий Бобышев, Владимир Друк, Андрей Грицман, Рита Бальмина. В рубрике "Русское подворье" публиковались такие мастера как Асар Эппель, Дмитрий Сухарев, Марк Харитонов, Марина Бородицкая. Мы публикуем и молодых российских авторов, например, стихи Марии Фаликман, стихи и прозу Елены Лапшиной. В "Венгерском квартале" – романы Кароя Папа и нобелевского лауреата за 2002 год Имре Кертеса. Публикуем и переводы ивритских писателей – из Агнона, Иегуды Амихая, Йоны Волах, Эдгара Керета, других. Но основной корпус текстов написан по-русски. В редколлегию кроме меня сегодня входят Дина Рубина, Зинаида Палванова, Светлана Шенбрун, Юлий Ким, Роман Тименчик, Велв Чернин.

(...)

- *Те, кто говорили об израильской литературе на русском языке, формулировали так: "Мы отличаемся от русских писателей в Европе и в Америке тем, что мы не эмигрантская литература".*

- Согласен. Писательская колония в Америке или в Германии – российскоцентричные системы. Россия для них – культурная метрополия. Уезжающий сегодня в Европу или в Америку, уже не политэмигрант, не изменник, как было при социализме, а человек, которому в данный момент удобно жить, допустим, во Франции. Так Хемингуэй, сколько бы он ни жил во Франции или на Кубе, всегда оставался американским писателем. С переездом в Израиль не совсем так. Ведь человек, уезжающий из России в Израиль, принимает решение не пожить в другой стране, а стать израильтянином. Да, Израиль исторически связан с Россией сильнее, чем с большинством стран мира. Все наши премьер-министры либо родились на террито-

рии Российской империи, либо выходцы из русскоязычных семей. В Израиле миллион русскоговорящих, государство возникло при поддержке в ООН Советского союза, получало от него вооружение во время Войны за Независимость, все это так. Но наши собственные проблемы и собственный опыт их разрешения влияют на писателя, приехавшего десять лет назад, даже если он пишет рассказ, действие которого происходит в Москве. У такого человека уже израильский взгляд на происходящее. Сказанное вполне может быть отнесено ко всей израильской литературе, написанной на русском языке. У нее израильский взгляд.

Интервью вел Александр Рапопорт

Литература:

Аксельрод, Е. В срединном неверном краю... / Е. Аксельрод // Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост.М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С. 247-248.

Аннинский, Л. Простывающий след Агасфера / Л. Аннинский // Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост.М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С. 477- 487.

Вайскопф, М. «Мы были как во сне»: тема исхода в литературе русского Израйля / М. Вайскопф // Новое литературное обозрение. – 2001. - № 1. – С. 241-252.

Владимирова, Л. Звонит в тоске неутолимой... / Л. Владимирова // Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост.М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С. 298.

Воронель, Н. Ах, только бы... / Н. Воронель // Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост.М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С.257-258.

Губерман, И. Гарики на каждый день / И. Губерман // Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост.М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С. 271-275.

Левинзон, Р. Первый дом – последний дом. Стихи. / Р. Левинзон. – Свердловск: «Урал-Советы», 1991. – С. 111-112.

Малкин, Д. Как это странно: вспомнить снег России... / Д. Малкин // Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост.М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С. 301.

Маркиш, Д. ...Я говорю о нас – сынах Синая... / Д. Маркиш //

Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии / Сост. М. Грозовского. – М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1996. – С. 303.

Рубина, Д. «Вот идет Мессия!...»: Роман / Д. Рубина // Под знаком карнавала: Роман. Эссе. Интервью. – Екатеринбург: У-Фактория, 2000. – С. 7-326.

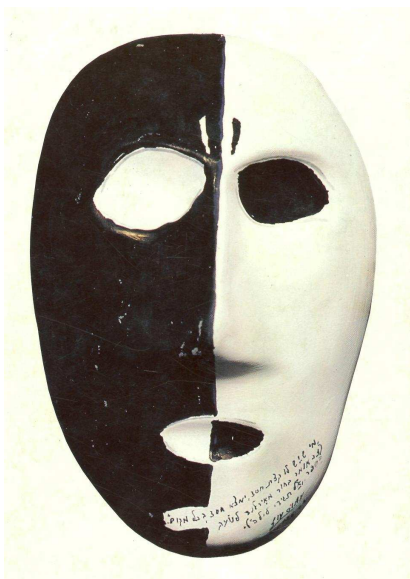
Рубина, Д. «Ни жеста. Ни слова...»: Интервью / Д. Рубина // Под знаком карнавала: Роман. Эссе. Интервью. – Екатеринбург: У-Фактория, 2000. – С. 423-442.

Сердюченко, В. Русская проза Израиля / В. Сердюченко // Нева. – 2002. - № 4. – С. 185-193.

Шехтер, Я. Свидетель / Я. Шехтер // Литературный Иерусалим. – Иерусалим: ПРИЗМА-ПРЕСС, 1996. – С. 212-215.

[http: // www. aen.ru](http://www.aen.ru)

[http: // www. migdal.ru / times](http://www.migdal.ru/times)



Израильская литература в России:

знакомство только начинается

Традиционно в культуре еврейского народа – «народа книги» – именно книга и играла ведущую роль. Не утратила она ее и в современном Израиле. Исследование, проведенное в 1990 году, показало, что около трех четвертей взрослого населения Израиля читает книги и 89 % – газеты и журналы. В условиях конкуренции со стороны кинематографа, телевидения и видео печатное слово по-прежнему остается в Израиле главной сферой творчества и общественного интереса. У туриста, оказавшегося в Израиле в середине июня, может сложиться впечатление, что здесь главным времяпрепровождением людей является чтение. Дело в том, что с 1959 года в это время в Израиле ежегодно проводится книжная неделя, ставшая истинно национальным праздником. Во все дни книжной недели в каждом городе и населенном пункте устраиваются книжные распродажи по сниженным ценам. Организуют их и крупные издательства. Книжная неделя проводится под эгидой Ассоциации книжных издательств, насчитывающей сегодня восемьдесят пять участников. Но это лишь небольшая доля издательской деятельности в Израиле.



Неделя Еврейской Книги

В 1992 году, например, в национальную библиотеку в Иерусалиме

были переданы книги от 1716 разных издателей. В расчете на душу населения израильская книжная индустрия является одной из крупнейших в мире. В еврейском 1986-87 году в Израиле было выпущено 13 млн. книг, т.е. в среднем по 3,1 книги на человека.

В связи с этими фактами тем более обидно осознавать как мало знаком с книжным богатством Израиля российский читатель. Для нас огромная «terra incognita» израильской литературы только еще начинает открываться.

Из статьи А.Рейтблата

«Издание и восприятие израильской литературы в России в 1980-2000-х годах»

Долгое время российский читатель имел об Израиле и, соответственно, об израильской литературе скудную и искаженную информацию.

Впрочем, в конце 1950-х — первой половине 1960-х кое-какие произведения израильских литераторов проникали в периодику, в 1963 г. вышла (под редакцией Бориса Слуцкого) антология «Поэты Израиля», а в 1966 г. был издан сборник новелл израильских писателей «Искатель жемчуга». В тот же период были опубликованы сборник стихов Александра Пэнна «Сердце в пути» (1965; с предисловием Давида Самойлова) и книга Мордехая Ави-Шаула «Швейцарские метаморфозы» (1967). Но после Шестидневной войны 1967 г. книги израильских писателей перестали выходить, а в периодике до середины 1980-х гг. тоже практически ничего не появлялось (самая ранняя выявленная А. Рейтблатом публикация — рассказ в журнале «Азия и Африка сегодня» в конце 1983 г.).

В первые перестроечные годы то ли еще не позволяла цензура, то ли было не до израильской литературы, но, за исключением подборки стихов в 1989 г. (№ 5) в рижском русскоязычном журнале «Родник», произведения ивритоязычных израильских литераторов в советскую печать не попадали.

Ситуация изменилась в 1990 г., когда в журнале «Иностранная литература» сначала была помещена подборка рассказов израильских писателей (№ 2), а затем и роман Ш.-И. Агнона «В сердцевине морей» (№ 11); в том же году вышел сборник «Современная поэзия Израиля» (М., 1990). В следующем году в «Иностранной литературе» печатается подборка стихов Давида Авидана (№ 3), а в журнале «Знамя» — роман Амоса Оза «До самой смерти» (№ 8), в 1992 г. публикуются отрывки из романа Т. Бен-Циона в журнале «Звезда» (№ 9), а в 1993 г. выходят наконец и отдельные издания

— сборник израильских новелл «Пути ветра» и книга Г. Мокеда «Избранные вариации».

Однако в продолжение следующих нескольких лет книги выходят редко и случайно, по большей части это сборники стихов: в 1994 г. роман Амоса Оза «Мой Михаэль» (издательство «2Р»), в 1995 г. — антология израильской литературы (СПб.), в 1996 г. — сборник повестей и рассказов Ш.-Й. Агнона «Во цвете лет» (издательство «Панорама») и «Малая антология израильской поэзии» (СПб.), в 1997 г. — сборник переводов «Тридцать три века еврейской поэзии» (Екатеринбург; Каменск-Уральский), в 1998 г. — сборник стихов современных поэтов Израиля «Мир да пребудет с вами» (издательство «Радуга») и антология «Израильская литература в русских переводах» (СПб.). Правда, журналы либерального лагеря часто обращались к израильской литературе («Знамя», «Звезда», «Иностранная литература», «Современная драматургия», «Новая Юность», «Урал», «Детская литература» и др.). И тем не менее в 2000 г. еще были возможны заявления о том, что «публикация молодого израильского писателя отдельным изданием на русском языке — событие из ряда вон выходящее».

Новое, кардинальное изменение ситуации относится к концу 1990-х гг. Периодические издания обращаются к израильской литературе все реже (достаточно упомянуть, что в журнале «Иностранная литература» в 1998—2003 гг. не появилось ни одного перевода и ни одной рецензии на книги израильских авторов), зато книги с 1998 г. выходят ежегодно и во все возрастающем количестве. В 1999 г. было издано 4 книги, в 2000 г. — 2, в 2001 г. — 8, в 2002—2003 гг. — по 7, в 2004 г. — уже 10.

Но важно не только то, что выросло число книг израильских писателей, переведенных на русский язык. Не менее важно, что переводческая и издательская работа приобрели системность.

В 2000 г. возникло две книжных серии. Первая — в издательстве «Гешарим/Мосты культуры» — под названием «Литература Израиля» (в ней на сегодняшний день вышло уже более десятка книг в переводах с иврита), вторая — в издательстве «Муравей-гайд» — «Новая израильская проза». Оба эти издательства профилированные. Первое тесно связано с Израилем и издает литературу, посвященную тем или иным аспектам еврейской истории и культуры, второе существует при Институте народов Востока.

Гораздо важнее, что немало книг вышло в последние годы в издательствах общего профиля, в том числе довольно крупных, ставящих перед собой не просветительские, а коммерческие задачи: «ЭКСМО», «Радуга», «Ретрон», «Лимбус-Пресс», «Амфора» и т.д.

В последние годы появились и две обзорные книги, дающие российскому читателю представление о наиболее заметных фигурах израильской литературы: «Очерки по истории израильской литературы» А.А. Крюкова (СПб., 1998) и «Ивритская поэзия от Бялика до наших дней» Д. Мирона (М., 2002).

Казалось бы, ситуация выглядит вполне благоприятно и приведенные данные свидетельствуют об интересе российской читательской аудитории к израильской литературе.

Но, подчеркивает автор статьи, стоит взглянуть на тиражи упомянутых книг, которые редко превышают 2000 экземпляров, как оценка ситуации изменится. Если учесть, что часть тиража попадает в библиотеки и в Израиль, то окажется, что в России с трудом набирается 1000—1500 покупателей, а число читателей каждой книги вряд ли превышает 5000 — цифра ничтожная для более чем 150миллионной страны.

Стоит отметить и тот факт, что книги израильских писателей переводятся и издаются в России не столько по внутренней потребности и на российские деньги, сколько по инициативе внешней, исходящей от зарубежных (израильских и американских) организаций. Так, упоминавшийся выше тематический номер «Иностранной литературы» был подготовлен при содействии посольства Израиля и Израильского института перевода ивритской литературы, публикация «Антологии ивритской литературы» была осуществлена с помощью Университета им. Д. Бен-Гуриона в Негеве, «Джойнта», Еврейской теологической семинарии и Института еврейских исследований в Нью-Йорке, роман Меира Шалева «Эсав» издан при поддержке Еврейского агентства в России и т.д.

(...)

Далее А. Рейтблат обращается к вопросу о том, как воспринимается в России израильская литература. Он сразу же отмечает, что специальных социологических исследований на эту тему не проводилось, так что свои выводы автор основывает на данных статистики и на анализе печатных откликов на опубликованные в России книги израильских литераторов.

(...)

Прежде всего выясняется, что интерес к израильской литературе невысок. Если говорить не о профилированных русскоязычных еврейских изданиях, а об изданиях общих, то там рецензии на переводы книг еврейских писателей появляются лишь в исключительных случаях (например, в «Новом мире» за 15 лет их было только две — на сборник Агнона и на антологию ивритской литературы).

В тех же редких случаях, когда рецензии все же публикуются, при

чтении их сразу же становится ясно, что рецензент израильскую литературу не знает. Характерно, что, составляя тематический номер журнала «Иностранная литература» (1996. № 2), посвященный современной литературе Израиля, редакция для подготовки обзорной статьи привлекла зарубежного исследователя, в России специалиста по израильской литературе не нашлось. Вывод автора статьи о том, что в России израильская ивритская литература как целое неизвестна, подтверждает и Михаил Горелик, рецензент уже упоминавшейся антологии ивритской литературы, который пишет, что этой «антологией <...> ивритская литература заявляет о себе как о большом и во многих отношениях оригинальном культурном феномене, в России практически неизвестном, и отдельные переводы тут погоды не делают».

А. Рейтблат подчеркивает, что при рецензировании книга израильского автора воспринимается не в контексте израильской литературы и израильской жизни, а чаще всего переключается в библейский контекст. Это связано с тем, что еврейская культура и, соответственно, еврейская литература осознаются как весьма специфичные и далекие. В качестве примера приводятся рассуждения Дмитрия Прокофьева об «изначальной непереводаемости Агнона, чьи произведения основаны на культуре, два тысячелетия развивавшейся абсолютно автономно от общеевропейского “мэйнстрима”!»

В других случаях израильская литература интерпретируется в свете русско-еврейских отношений («еврейского вопроса»). Вот характерный пример. Рецензируя вышедший в России сборник Агнона, Андрей Василевский называет известных ему еврейских писателей (Шолом Алейхем, Башевис-Зингер, Бабель, Беллоу), причем обнаруживается, что среди них нет ни одного израильского (и ивритоязычного).

И другие рецензенты, как правило, общих высказываний об израильской литературе не делают, никак в целом ее не характеризуют и с израильскими писателями (как и вообще с еврейскими) рецензируемых писателей не сравнивают. Характерно, что, рецензируя книгу Э. Керета, критик отмечает: «Нам — либо не бывавшим в Израиле, либо лишь недолго гостившим там <...> предмет иронии Керета и неизвестен, и непонятен».

Сравнения (если они есть; преобладает простой пересказ содержания) выстраиваются с привлечением имен западных и русских писателей.

А. Рейтблат отмечает, что отсутствуют и отсылки к проблемам жизни современного Израиля, то есть столь характерное для многих российских рецензентов сопоставление: верно ли «отразил» автор жизнь, то, что есть «на самом деле» и т.п.

Автор статьи приходит к весьма неутешительным выводам. Хотя

за последние 15 лет в России вышло более четырех десятков израильских книг и осуществлено несколько десятков журнальных публикаций произведений израильских писателей, можно сказать, что знакомство российской аудитории с израильской литературой только начинается.

«Конечно, для столичного «продвинутого» читателя эта зона на литературной карте уже обозначена и речь идет о расширении знакомства, о прописывании рельефа и о более детальном изображении местности. Но если мы учтем, что книги эти выходят очень небольшим тиражом, не попадают в мощные сети распространения, охватывающие значительную часть регионов России, то станет понятным, что подавляющее большинство российских читателей с израильской литературой пока незнакомо».

Также Рейтблат обращает внимание на то, что основной потребитель этой литературы в России — евреи, являющиеся носителями русской культуры. Русские читатели израильской литературой либо не интересуются, либо ждут от нее библейской экзотики, продолжения библейской традиции.

В откликах на переводы израильской литературы антисемитизма, конечно, нет, но дистанцирование от современного Израиля и его сложной и противоречивой современной жизни временами ощутимо.

Так или иначе, но в неспециализированной (то есть не связанной с еврейскими организациями и издательствами) периодике об израильской литературе почти не пишут, а если пишут, то рецензируют писателя и книгу изолированно, не соотнося с израильской литературой и не вспоминая о ней.

Однако, не смотря на не очень-то обнадеживающие данные статьи А. Рейтבלата, постепенно более тесное знакомство российского читателя с израильской литературой все-таки начинается.

В сентябре 2004 года в рамках 17-й Московском международ-



ной книжной ярмарки с огромным успехом прошел первый в России Фестиваль еврейской книги.

В работе фестиваля приняли участие около 90 издательств, на его стенде было представлено 1500 книг на русском языке и 500 книг на иврите и английском, изданных в России, Израиле, Германии и США.

По сути это был бенефис издательств, выпускающих еврейскую литературу на русском языке, и в первую очередь самого крупного из них, русско-израильского «Мосты культуры - Геша-

рим». Оно подготовило к фестивалю сразу 13 новых книг. Это и роман французского писателя Бернара Лекаша в переводе Осипа Мандельштама, и смешная книга москвички Марии Галиной «Гиви и Шендерович», и «История евреев Франции» Эстер Бенбассы, и «роман-матрешка» израильского русскоязычного прозаика Алекса Тарна «Протоколы сионских мудрецов». Но главным событием, безусловно, стал выход классического труда Гершома Шолема «Основные течения в еврейской мистике» - самого известного исследования кабалистической традиции.

В Библиотеке иностранной литературы, театре «Эрмитаж» и кафе «Билингва» прошли дискуссии и круглые столы, посвященные языку перевода, соотношению сакральной и светской литературы и роли мистики у евреев.

Ярко прошла презентация первого выпуска «русской целанианы» - сборника «Пауль Целан: материалы, исследования, воспоминания» (издательство «Мосты культуры»). Составитель и редактор тома Лариса Найдич рассказала, как возник замысел книги, каковы были сомнения редколлегии, стоит ли выпускать академический сборник, посвященный малоизвестному в России автору. В итоге сборник вышел, а в настоящее время в одном из московских издательств готовится представительное «Избранное» великого немецко-еврейского поэта.

Интересен был рассказ филолога Леонида Кациса об израильских литературных журналах на русском языке. «В то время как в России традиционные "толстые" журналы переживают кризис, рынок израильской русскоязычной литературной периодики растет», - констатировал он и кратко охарактеризовал журналы разных направлений, от авангардных «Зеркала» и «Солнечного сплетения» до мейнстримных «22» и «Иерусалимского журнала».

Общий уровень русскоязычной периодики в Израиле, по мнению Л. Кациса, достаточно высок. Многочисленные литературные журналы русской диаспоры занимают разные ниши, но практически для всех них характерна ориентация на диалог с культурой метрополии. Так, в этих изданиях традиционно велико количество исторических обзоров. Л. Кацис объяснил это тем, что любая диаспора ощущает свою зависимость от детей и внуков - останутся ли они в родной культуре, будут ли говорить по-русски. Отсюда стремление к подведению итогов, взгляд на прошлое с точки зрения будущего.

Сегодня израильская литературная периодика приходит в Россию: продается, читается и рецензируется в стране исхода. В большинстве израильских журналов активно сотрудничают российские авторы. Эти диффузные процессы, заключил Л. Кацис, с течением времени будут только уси-

ливаться.

4 сентября на стенде прошла презентация нового для современной России культурного явления - еврейской литературы для детей. Писатели из России и Израиля Андрей Усачев, Михаил Ясное, Рои Хен представили детские книжки, в том числе свои, и прочитали стихи Даниила Хармса на русском языке и в переводах на иврит. Как сообщил глава ассоциации «Гешарим - Мосты культуры» Михаил Гринберг, в декабре текущего года издательство планирует принять участие в Первой российской ярмарке детской литературы, а уже через год - издать целую серию из 19 книжек для детей. Вообще книги для детей пользовались особым вниманием на Фестивале: на «еврейском» стенде сказки детям ежедневно представляли видные деятели культуры - писатель Андрей Усачев, актриса Амалия Гольданская, главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин и даже раввин Адин Штейнзальц.

Рассказ о впечатлениях от фестиваля был бы неполон без упоминания о симпозиуме «Становление литературы - становление нации. Израильская литература как социальный фактор», прошедшем в последний день фестиваля, 6 сентября, в «Клубе на Брестской». В мероприятии приняли участие профессор Александр Крюков и русско-израильский поэт Михаил Генделев. Вел круглый стол генеральный директор Еврейского агентства в России Борис Мафцир.

Книжную программу фестиваля сопровождали спектакли, выставки и концерты. Музыканты клейзмер-бэнда во главе со знаменитым или, как сейчас модно говорить, «культовым» Псоом Короленко выступали и на церемонии открытия.

Литература:

Бар-Йосеф, Х. Израильская литература 90-х годов XX века / Х. Бар-Йосеф // Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков на иврите в русских переводах / Сост. Х. Бар-Йосеф, З. Копельман. – М., 2000. – С. 542-555.

Рейтблат, А. Издание и восприятие израильской литературы в России в 1980-2000-х годах / А. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2005. - № 3. – С. 139-148.

М. Эдельштейн С. Чарный Фестиваль еврейской книги: субъективные заметки на фоне фактов // [http:// www.gesharim.org](http://www.gesharim.org).

Приложение

КНИГИ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗРАИЛЯ, ИЗДАННЫЕ В РОССИИ В ПЕРЕВОДЕ С ИВРИТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

(Библиографический список)

Авидан, Д. Сборник стихотворений / Д. Авидан; Пер. Савелия Гринберга. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003. - 208 с.

Ави-Шаул, М. Швейцарские метаморфозы: Роман / М. Ави-Шаул; Пер. З. Змири. - М.: Прогресс, 1967. - 127 с.

Агнон, Ш.-Й. Во цвете лет: Повести и рассказы. / Ш.-Й. Агнон. - М.: Панорама, 1996. - 352 с.

Агнон, Ш.-Й. Новеллы / Ш.-Й. Агнон. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. - 544 с. (Литература Израиля).

Агнон, Ш.-Й. Простая история: Роман / Ш.-Й. Агнон. - М.: Леахиям, 2004. - 400 с.

Альмагор, Г. Лето из жизни Авии: Повесть / Г. Альмагор; Пер. С. Векслер. - М.: Муравей-гайд, 2001. - 112 с.

Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX в. в русских переводах / Сост. Х. Бар-Йосеф, З. Копельман. - М.: Изд-во РГГУ, 1999. - 631 с.

Атцмон, Г. Учитель заблудших: Роман / Г. Атцмон; Пер. Н. Хорэф. - М.: Иностранка, 2004. - 208 с. (За иллюминатором).

Бар-Йосеф, И. «Трудные люди» и другие пьесы / И. Бар-Йосеф; Пер. С. Шенбрун. - М.: Текст, 2001. - 320 с.

Галь, Н. Мыльная опера: Роман / Н. Галь; Пер. Э. Сегаль. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. - 195 с.

Голан, Ш. Бег на короткие дистанции: Рассказы / Ш. Голан. - М.: Олимп, 1999.

Голан, Ш. Брачный покров: Роман, рассказы / Ш. Голан; Пер. В. Тублина. - М.: Олимп, 1996. - 224 с. (My best: Книги русского ПЕН-клуба).

Голан, Ш. Мужчина, женщина и война: Роман / Ш. Голан; Авториз. пер. О. Варшавер. - М.: Олимп, 1999. - 256 с.

Гроссман, Д. С кем бы побегать / Д. Гроссман; Пер. Г.-Д. Зингер. -

М.: Фантом пресс, 2004. - 480 с. (Зебра).

Гур, Б. Убийство на кафедре литературы: Детектив / Б. Гур; Пер. М. Беленького. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003. - 366 с. (Израильский детектив).

Давид бен Йосеф. Есть ли шанс на любовь?: Роман в письмах / Пер. В. Меникера. - Иерусалим; М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 2001. - 208 с. (Быть евреем).

Дор-Он, Э. Цветет моря: Стихотворения / Э. Дор-Он; Пер. М. Синельников. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2001. - 96 с.

Еврейская ивритская поэзия: Первая половина XX в. - СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004. - 320 с. (Золотая серия европейской литературы).

Из классической еврейской поэзии / Пер. Я.Л. Либермана с иврита, идиш, немецкого. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. - 222 с.

Израильская литература в русских переводах: Антология / Сост. Е. Римон. - СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1998. - 696 с.

Искатели жемчуга: Новеллы израильских писателей / Пер. с арабского, иврита и идиш. - М.: Наука, 1966. - 143 с.

Йегошуа, А.Б. Путешествие на край тысячелетия: Роман / А.Б. Йегошуа; Пер. Р. Нудельмана. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003. - 576 с. (Литература Израиля).

Йегошуа, А.Б. Сборник рассказов / А.Б. Йегошуа; Пер. Н. Сергеевой. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2001. - 432 с. (Литература Израиля).

Керет, Э. Азъесмь: Сб. рассказов / Э. Керет; Пер. Л. Горалик. - М.: Эксмо, 2004. - 224 с. (Черный квадрат).

Керет, Э. Дни, как сегодня: Сб. рассказов / Э. Керет; Пер. А. Крюкова. - М.: Муравей-гайд, 2000. - 254 с. (Новая израильская проза).

Кишон, Э. Козлы отпущения: Роман / Э. Кишон; Пер. М. Беленького. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. - 304 с.

Кишон, Э. Лиса в курятнике: Роман / Э. Кишон; Пер. М. Беленького. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. - 272 с.

Кишон, Э. Семейная книга: Рассказы / Э. Кишон; Пер. М. Беленького. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. - 494 с.

Кишон, Э. Это мы — израильтяне: Рассказы / Э. Кишон; Пер. А. Крюкова. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. - 221 с. (Литература Израиля).

Левин, Х. Сотворение мира за счет ограниченного пространства, занимаемого Богом: Избранное: Проза, театр / Х. Левин; Пер. Б. Борухова. - М.: Текст, 2004. - 224 с. (Коллекция «Текст»).

Леман, М. Зюсс Оппенгеймер: Ист. роман / М. Леман; Пер. З. Погребинского, А. Злобинской. - М.: Лехаим; Институт изучения иудаизма в СНГ, 2002. - 220 с.

Мир да пребудет с вами: Стихи современных поэтов Израиля / Пер. Г.-Д. Зингер; сост. Х. Хофман. - М.: Радуга, 1998. - 92 с.

Мокед, Г. Избранные вариации / Г. Мокед; Пер. И. Шамира. - СПб.: Новая литература, 1993. - 128 с.

Нетаниягу, И. Итамар К.: Роман / И Нетаниягу; Пер. Д. Фрадкина. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гершарим, 2001. - 286 с. (Литература Израиля).

Оз, А. Мой Михаэль: Роман / А. Оз; Пер. В. Радужского. - М.: 2Р, 1994. - 301 с.

Оз, А. Познать женщину: Роман / А. Оз; Пер. В. Радужского. - СПб.: Амфора, 2004. - 350 с. (Читать модно).

Поэты Израиля / Пер. с иврита, идиш и арабского под ред. Б. Слуцкого. - М.: Изд-во иностр. лит., 1963. - 293 с.

Прейгерзон, Ц. Бремя имени: Рассказы / Ц. Прейгерзон; Пер. Л. Баазовой. - СПб.: Лимбус-пресс, 1999. - 220 с.

Пути ветра: Современная новелла Израиля. - М.: Радуга, 1993. - 476 с.

Пэнн, А. Сердце в пути: Стихи. / А. Пэнн. - М.: Худож. лит., 1965. - 167 с.

Рассказы израильских писателей / Пер. с иврита и идиш. - М.: Прогресс, 1965. - 320 с.

Регев, М. Корчак в Израиле: Правдивые истории, которых не было и не могло быть / М. Регев; Пер. А.А. Крюкова. - М.: Муравей-гайд, 2001. - 103 с.

Саббатто, Х. Выверить прицел: Роман / Х. Саббатто; Пер. Н. Радовской. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. - 192 с. (Литература Израиля).

Своими глазами: Израильские писатели об Израиле и израильтянах / Пер. А. Крюкова. - М.: Муравей-гайд, 2002. - 302 с. (Новая израильская проза).

Современная поэзия Израиля. - М.; Киев: Журнал «Радуга», 1990. - 189 с.

Таммуз, Б. Минотавр: Роман / Б. Таммуз; Пер. В. Тублина. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2001. - 286 с. (Литература Израиля).

Тридцать три века еврейской поэзии: Краткая антология в пер.

с иврита / Сост. Я.Л. Либерман. - Екатеринбург; Каменск-Уральский, 1997.

Фогель, Д. Брачные узы: Роман / Д. Фогель; Пер. С. Гойзмана. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003. - 640 с. (Литература Израиля).

Цалка, Д. На пути в Халеб: Рассказы. / Д. Цалка - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. - 336 с. (Литература Израиля).

Шабтай, Я. Эпилог: Роман / Я. Шабтай; Пер. Н. Ваймана. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003. - 332 с. (Литература Израиля).

Шалев, М. Эсав: Роман / М. Шалев; Пер. Р. Нудельмана, А. Фурман. - СПб.: Ретро, 2002. - 512 с.

Шалев, Ц. Я Танцевала Я Стояла: Роман / Ц. Шалев; Пер. Н. Левиной. - М., 2000. (Литература Израиля).

Шахар, Д. Путешествие в Ур Халдейский: Роман / Д. Шахар; Пер. Н. Зингер. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гершарим, 2003. - 288 с. (Литература Израиля).



Содержание

Становление государства — становление литературы: Из история ивритской литературы Израиля.....	6
Представляем авторов: Персоналии израильской ивритской литературы.....	13
Женская ивритская литература в современном Израиле.....	35
Русский литературный Израиль.....	42
Израильская литература в России: знакомство только начинается.....	66
Приложение: Книги писателей Израиля, изданные в России в переводе с иврита на русский язык. (Библиографический список)	74

© Компьютерный набор: Е.Н. Лом, 2007

© Верстка, макет: А.Ю. Сидельников, 2007

© Свердловская областная межнациональная
библиотека, 2007

Этот дайджест
входит в серию:

**«Давайте дружить
литературами»**

*В этой серии Вы познакомитесь
с дайджестами:*

**«Большая литература малых
народов»
(финно-угорская литература)**

**«Полка содружества:
башкирская литература»**

**«Проза Новой России »
(русская литература)**

**«Слово без границ»
(литература стран СНГ)**



ВНИМАНИЕ КОНКУРС!

Дорогие читатели и гости библиотеки

В 2007 году нашей библиотеки исполняется 15 лет. Мы приглашаем Вас принять участие в конкурсе творческих работ, посвященных библиотеке и ее сотрудникам.

Девиз конкурса *«15 лет – шаг навстречу»*

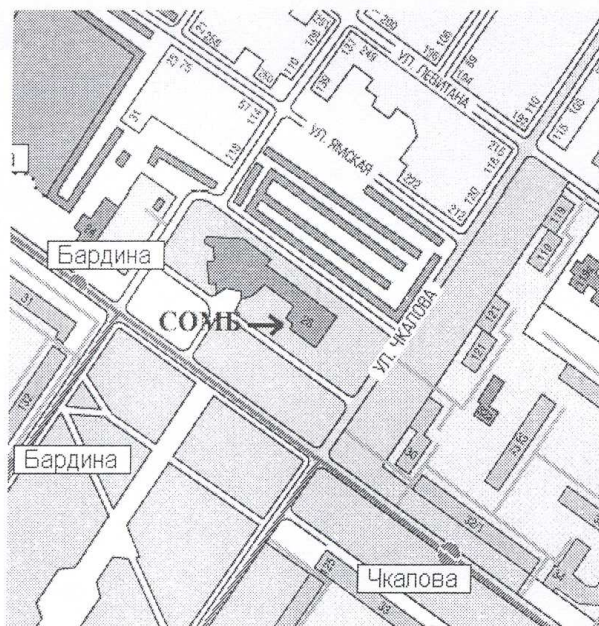
Приносите, присылайте по почте, по электронной почте Ваши работы (стихи, песни, рассказы, рисунки, поделки и т.д.)

Ждем Вас с 1 апреля по 31 июля.

*Победители получают призы на юбилейной
встрече друзей библиотеки*



- Работы принимаются во всех отделах библиотеки по адресу 620146 г. Екатеринбург ул. Бардина, 28 Свердловская областная межнациональная библиотека, электронная почта somb@somb.ru.
- Не забудьте указать Ваши ФИО и адрес.



**Свердловская областная
международная библиотека**



620146, г. Екатеринбург, ул. Бардина, 28



(343) тел. 240-44-55, факс 243-17-00



**А. 21, 42, 43, 46, 76
Т. 11 (ост. Чкалова)**



**E-mail: somb@somb.ru
<http://www.somb.ru>**